

XLIII г.

№ 15

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 квітъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 14-го апрѣля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к. съ перес. 20 к.

г. XLIII

1912

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

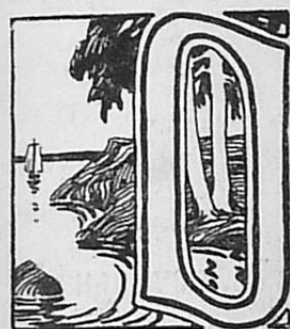
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 5.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Голуби.

Семена Юшкевича.

(Продолженіе).

Отлетъ Оловяннаго Ночника.

Осень въ этомъ году выдалась на рѣдкость несчастливая. Начался перелетъ хищниковъ, и отъ ихъ набѣговъ не мало пострадала наша летка. Каждый день мы не досчитывали какого-нибудь товарища и совсѣмъ приуныли, когда Сизакъ Бѣлохвостый принесъ намъ вѣсть о геройской гибели Двудысаго. Старикъ, по разсказу Сизака Бѣлохвостаго, попался совершенно

случайно. Самъ Двудысый въ этотъ день передъ гонкой собралъ молодыхъ и подробно разсказалъ имъ, какъ слѣдуетъ укрыться отъ кобчика, показалъ приемы защиты и особенно настаивалъ и совѣтовалъ не собираться въ кучку при появленіи хищника, потому что въ кучкѣ легче всего сдѣлаться жертвой. Чтò же погубило Двудысаго? Можетъ-быть, старость? Или измѣнили ему острые глаза? Или его желаніе спасти Сумасшедшаго, для чего онъ перерѣзалъ кобчику дорогу? Скорѣе всего онъ палъ жертвой своей привязанности къ голубямъ. Но нелегко далась побѣда врагу. Уже держа въ ког-

П. Венигъ. Прошлое. (XX выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ).

тяхъ, кобчикъ долго мучился съ Двудысымъ и лишь тогда понесъ въ свое гнѣздо, когда удачнымъ ударомъ клюва разсѣкъ ему голову.

Провожала тѣло Двудысаго, держась на почтительномъ разстояніи, почетная стража изъ Оловяннаго Ночника, Небеснаго, Сумасшедшаго и Бѣлаго Вербицкаго. Вскорѣ погибъ сынъ Оловяннаго Ночника, Бѣлокрыленькій, и лишь эта послѣдняя жертва заставила нашего хозяина отказаться отъ гонки голубей до весны.

Охотники обыкновенно на зиму отдѣляютъ самцовъ отъ самокъ. Въ одинъ день явились работники, смастерили рѣшетчатую перегородку и вставили ее въ голубятню. Въ одной половинѣ хозяинъ помѣстилъ самцовъ, въ другой самокъ, и мы стали готовиться къ зимѣ. Рѣшетчатая перегородка явилась источникомъ многихъ страданій, ссоръ, недоразумѣній и горя. Жалобы начались съ перваго же дня. Вотъ у рѣшетки стоитъ старый Небесный и переговаривается съ своей голубкой.

— Кру-у,—жалуется онъ:—я не сплю по ночамъ, милая моя. Мнѣ скучно безъ тебя и холодно, и до утра я думаю о тебѣ, драгоценная моя. Помнишь ли ты еще своего Небеснаго?

— Кру-у,—слышится тоненькій грустный голосъ жены Небеснаго:—я не забываю о тебѣ, дорогой Небесный мой, и жду не дождусь милой весны. Цѣлые дни я плачу по тебѣ.

— Кру-у,—чуть подальше кричитъ Сумасшедшій, стоя у перегородки:—почему ты не подходишь ближе, Красенькая моя? Хочу увидѣть нѣжную мою, сладко вздрогнуть отъ твоего тепла, почувствовать твое дыханіе. Ударь клювомъ о дерево, и уши мои обрадуются, услышавъ твой привѣтъ.

— Кру-у,—я подошла близко къ перегородкѣ и постучала клювомъ нѣсколько разъ. Слышишь ли ты меня? Плачь голубокъ не даетъ мнѣ спать, и мнѣ больно, что я не могу сидѣть съ тобой въ нашемъ гнѣздѣ.

— Кру-у,—злбно воркуетъ гдѣ-то Синеголовый:—измѣнница, забыла меня. Ты не слушаешь и даже не подходишь, когда я зову тебя.

— Кру-у, я забыла тебя, Синеголовый, мужъ мой. Я не узнаю твоего голоса. У моего Синеголоваго голосъ былъ нѣжный. Не подхожу я потому, что не знаю, ты ли это. Я не вѣрю тебѣ.

Разговоры, плачь, сѣтованія не прекращались съ утра до вечера, и съ тоской думалось о томъ, какъ много еще осталось дней до весны. Вдругъ неожиданно все перемѣнилось. Однажды въ голубятню вбѣжалъ хозяинъ и сталъ торопливо выгонять насъ. Подчиняясь его желанію, мы шумно вылетѣли въ дверь, покружились въ воздухѣ и сѣли. Дворъ, крыши были въ снѣгу. Не понимая, что случилось и зачѣмъ понадобилось Хозяину выгнать насъ на морозъ, мы начали роптать. Между тѣмъ онъ вскорѣ показался во дворѣ, взглянулъ на небо и пугнулъ насъ платкомъ. Въ свою очередь, и мы подняли головы и вдругъ въ синевѣ замѣтили точку, которая съ каждой минутой становилась больше.

— Погляди-ка,—съ удивленіемъ сказалъ я Небесному:—кажется, какой-то голубъ спускается на нашу голубятню.

— Да, голубъ,—отвѣтилъ Небесный:—посторонись-ка, сейчасъ онъ сядетъ.

Я нагнулъ голову, и дѣйствительно не прошло и двухъ минутъ, какъ неизвѣстный голубъ былъ уже рядомъ со мной. Я былъ страшно заинтересованъ. Что это за голубъ, откуда онъ взялся и почему сѣлъ здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ?

— Желтопоясенькая!—воскликнулъ вдругъ Оловянный, подбѣжавъ къ ней.—Я тебя, когда ты еще въ горѣ была, узналъ по полету. Ахъ, ты, умница,—похвалилъ онъ ее:—не могъ удержать тебя чужой хозяинъ.

Я ничего не понималъ, но съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нежданную гостью. Это была коротенькая широкогрудая голубка, бѣлесенькая, съ красивыми „печенными“ желтыми поясами на крыльяхъ, съ выточенной длинной головкой и бѣлымъ тоненькимъ клювомъ. Показалась она мнѣ очень хорошенькой, и потому, не спрашивая себя о дальнѣйшемъ, я съ удовольствіемъ заярилъ къ ней, сталъ звать ее, закивалъ головой, покружился,—коротко сказать, повелъ себя, какъ истинно влюбленный голубъ. Дальнѣйшему помѣшалъ Хозяинъ, торопившійся загнать насъ въ голубятню. По странной забывчивости, а можетъ-быть, отъ волненія или отъ разсѣянности, онъ оставилъ Желтопоясенькую въ

нашемъ отдѣленіи. Какъ только замѣкъ щелкнулъ у дверей, всѣ мы немедленно занялись ею. Поведеніе ея съ первой же минуты очаровало всѣхъ насъ. Обыкновенно голубъ, очутившись въ голубятнѣ, первымъ дѣломъ принимается клевать. Не такъ поступила Желтопоясенькая. На кормъ она не обратила никакого вниманія, а забралась въ гнѣздо и стала граціозно чистить свои рыжія перышки, которыя такъ шли къ ней.

Оловянный Ночникъ переступилъ съ лапки на лапку и сказалъ:

— Кру-у, Желтопоясенькая, что жъ ты не здороваешься со мной? Неужели не узнаешь?

— Нѣтъ не узнаю,—отвѣтила она и скрылась въ гнѣздѣ.

— Голуби,—сказалъ Ночникъ, обернувшись къ намъ:—знайте, что эта голубка изъ нашей стаи. Ровно пять лѣтъ тому назадъ, то-есть тогда, когда многихъ изъ васъ еще на свѣтѣ не было, она пропала въ горѣ! Забывчивость ея я объясню себѣ тѣмъ, что слишкомъ много времени отдѣляетъ насъ отъ того момента, когда она пропала, и еще тѣмъ, что за эти пять лѣтъ здѣсь произошли большія перемѣны.

Нѣкоторые старики—Бѣлый Вербицкаго, Небесный, Красный, Лысый—послѣ словъ Оловяннаго Ночника приглядѣлись къ гостьѣ и тотчасъ признали ее.

— Я нѣкогда былъ въ нее влюбленъ,—промолвилъ Ночникъ:—теперь я не стыжусь сознаться въ этомъ, и очень страдалъ, когда она отдала свое сердце Бѣлосому Краснопоясому, прозванному „Эполетами“, который тоже погибъ въ горѣ.

— Кру-у, и я былъ въ нее влюбленъ,—отозвался Бѣлый Вербицкаго.

— И я, и я!—раздались голоса другихъ стариковъ.

Желтопоясенькая засмѣялась и, кивая головой, сказала:

— Какъ я рада, друзья мои, что случай опять свелъ насъ. Почему я не вижу среди васъ Чубатаго Гривуна?

— Туча занесла его,—отвѣтилъ Небесный.

— А Двудысый?

— Его кобчикъ взялъ этой осенью.

— А „Темный въ очкахъ“?

Старики отвѣчали. Голосъ ея дѣлался все грустнѣе, печальнѣе, а мы, молодые, пожирали гостью глазами, тайно уже ревнуя ее другъ къ другу.

Съ этого дня время полетѣло быстро, весело, какъ бы въ безконечномъ праздникѣ. Мы всѣ влюбились въ нее, даже старые, даже Небесный,—никто не остался равнодушнымъ къ ея чарамъ, и день проходилъ въ милыхъ заботахъ о томъ, какъ бы лучше угодить Желтопоясенькой, что придумать болѣе интереснаго для ея развлечения. Ревновали мы другъ друга страшно и не скрывали своихъ чувствъ. Каждый изъ насъ дѣлалъ все, чтобы показаться ей красивѣе, мужественнѣе, сильнѣе, обаятельнѣе. Мы устраивали турниры ради нея и чудесно бились, чтобы удостоиться ея похвалы, иногда улыбки. Ея приказанія исполнялись весело, безъ замедленія, и достаточно было одного ея взгляда, чтобы мы потеряли охоту смѣяться, шутить. Каждый изъ насъ развлекалъ ее по-своему. Бойцы бились, рассказчики рассказывали, шутники шутили, но все же она никому изъ насъ не отдавала предпочтенія. Мы всѣ ей были нужны, всѣ были пріятны и оттого терпѣливо ждали ея выбора, не безпокоили и ничего не требовали отъ нея...

Время однако летѣло. Не успѣли мы оглянуться, какъ вѣтеръ принесъ на своихъ легкихъ крыльяхъ смѣющуюся, нарядную весну. Защебетали птицы, появились розовыя облака на небѣ, запахло зеленью. И вотъ опять въ одинъ день появился Хозяинъ съ работниками, убрали перегородку, и началась весенняя жизнь, весенняя суета. Желтопоясенькая была забыта. Самцы вернулись къ своимъ голубкамъ, ворковали въ каждомъ уголкѣ, въ гнѣздахъ, на дворѣ. Приближалась пора кладки яицъ...

Однажды днемъ, гоняясь за какой-то голубкой, я услышалъ недалеко отъ себя громкій голосъ сына Небеснаго.

— Голуби и голубки,—кричалъ онъ:—соберитесь всѣ сейчасъ сзади голубятни. Оловянный Ночникъ хочетъ сдѣлать важное сообщеніе всей леткѣ. Торопитесь, времени осталось очень мало. Кру-у, кру-у!

Гулявшіе во дворѣ голуби переполошились. Послышалось щелканье крыльевъ. Я бросилъ голубку, за которой съ такимъ удовольствіемъ гнался, и полетѣлъ къ указанному мѣсту. Тамъ я за-

стать уже многих голубей. Въ центрѣ, на широкомъ камнѣ, сосредоточенный, задумчивый расхаживалъ Оловянный Ночникъ. Появился сынъ Небеснаго и, подлетѣвъ къ Ночнику, сообщилъ ему, что вся летка въ сборѣ.

— Хорошо, — сказалъ Оловянный Ночникъ своимъ металлическимъ голосомъ. — Попроси всѣхъ замолчать...

— Кру-у, голуби и голубки, — закричалъ сынъ Небеснаго: — Оловянный Ночникъ проситъ перестать шумѣть. Онъ сейчасъ будетъ говорить.

— Тише, кру-у, тише, — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— О чемъ онъ будетъ говорить? — спросилъ Синеголовый.

— Сейчасъ ты объ этомъ узнаешь, — отвѣтилъ Золотогривый.

— Тише, — заворковали опять гдѣ-то.

— Кру-у, — говорите громче, я плохо слышу, — произнесъ Бѣлый Вербицкаго.

— У-гу-гу, у-гу-гу! — закричали озорники.

Шумъ поднялся съ новой силой. Сынъ Небеснаго надрывался, чтобы успокоить стаю.

— Тише! — гудѣли впереди съ негодованіемъ старые голуби, расположившіеся со своими голубками вокругъ широкаго камня.

— Кру-у, вы сами тамъ потише, — насмѣшливо возражали молодые.

— Голуби и голубки! — вдругъ раздался отчетливый металлическій голосъ Оловяннаго Ночника.

— Кру-у, — ничего не слышно! — крикнулъ кто-то. — Громче.

Но это было послѣдней шалостью взволнованной стаи. Наступила благоговѣйная тишина. Сказавъ, „голуби и голубки“, Оловянный Ночникъ замолчалъ на мигъ, торопливо прошелся, остановился и взглянулъ на далекое небо.

— Кру-у, голуби и голубки, — повторилъ, онъ отчеканивая каждое слово: — братья и сестры, товарищи и всѣ самки, которыя въ разное время были моими голубками. Сегодня днемъ, во время гонки, я, Оловянный Ночникъ, Золотогривый и молодой Небесный покинемъ родную голубятню съ тѣмъ, чтобы больше въ нее не вернуться.

— Никогда не вернуться, — пронесся взволнованный шопотъ.

— Не мѣшайте, тише, кру-у!

— Да, никогда не вернуться! Еще когда я былъ птенцомъ, и мое крошечное тѣло согрѣвалъ отецъ мой Черноголовый, сынъ Чернаго Чабана и властью Бѣлокрылой, я не разъ слышалъ рассказы о дремучемъ лѣсѣ на краю свѣта, гдѣ испоконъ ведутся лѣсные голуби, наши братья и сестры по крови. Лѣсные голуби, друзья, живутъ въ мирѣ и счастіи. Они не знаютъ ничьей власти надъ собой, держатся стаями и вьютъ гнѣзда на деревьяхъ. О существованіи хитраго Охотника они не подозрѣваютъ, и жизнь лѣсныхъ голубей подобна жизни свободныхъ, гордыхъ хищниковъ. Я, какъ и всѣ вы, до сихъ поръ покорно исполнялъ всѣ прихоти Охотника. Но было бы совершенно несправедливымъ заподозрѣть меня въ мелкой ненависти къ нему. Всѣ почести, которыя я заслужилъ, онъ мнѣ воздалъ, онъ прославилъ меня знаменитѣйшимъ, и все-таки отнынѣ я объявляю войну ему. Это Охотникъ нарушилъ единство нашей голубиной породы. Овладевъ нами однажды, онъ раздѣлилъ насъ. Ради своего наслажденія, дикихъ, свободныхъ онъ сдѣлалъ ручными, окрасилъ наши перья въ разные цвѣта, превратилъ однихъ въ легуновъ, другихъ въ вертуновъ, сдѣлалъ иныхъ своими прислужниками, тѣмъ онъ завилъ перья вдоль шеи, удлинилъ непомѣрно хвостъ, нѣкоторыхъ выучилъ смѣяться, и ни передъ чѣмъ не останавливался хитрый Охотникъ, чтобы подчинить насъ себѣ. Я, Оловянный Ночникъ, произвелъ на свѣтъ большое потомство, чѣмъ косвенно поддержалъ насиліе Охотника надъ нами. Я помогалъ раздѣленію единой голубиной породы и въ этомъ грѣхѣ смиренно каюсь. Но теперь я порѣшилъ положить конецъ его власти надъ мной. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ слава и сытость не есть суета? Не представляется ли вамъ, что истинное наше назначеніе — жить въ полномъ свободномъ общеніи съ природой? Голуби и голубки, друзья и товарищи и всѣ вы, которыя были моими голубками, — во мнѣ проснулась душа лѣснаго голубя, и я отказываюсь служить больше Охотнику. Сегодня послѣ гонки мы, Золотогривый, сынъ Небеснаго и я, покидаемъ родную голубятню съ тѣмъ, чтобы летѣть къ лѣснымъ голубямъ. Простимся навѣки... Его рѣчь потрясла всю стаю. Раздались восторженные восклицанія, какъ вдругъ появился Хозяинъ и однимъ взмахомъ своего прута нарушилъ высокое настроеніе.

Мы взвились къ небу и, кажется, никогда такъ прекрасно не летали, какъ въ этотъ разъ. Цѣлый часъ длилось единственное состязаніе между первѣйшими, и, увлекшись, мы забыли обо всемъ въ мирѣ. Но вотъ появился сынъ Небеснаго и объявилъ, что Ночникъ собирается въ путь. Летка быстро собралась и окружила его кольцомъ. Оловянный Ночникъ прилегъ на крыльяхъ и взволнованно сказалъ:

— Голуби и голубки, друзья мои и товарищи! Я ничего не требую отъ васъ на прощаніе и ничего не прошу. Но если слово мое заронило въ васъ хоть искру жажды свободы, я счастливъ, потому что одна искра рождаетъ пожары. И если вы когда-нибудь послѣдуете моему примѣру и покинете Охотника, я первый преклонюсь передъ вами въ свободной странѣ вѣчнаго лѣса. Прощайте, прощайте!..

Онъ пошелъ первымъ, впереди сына Небеснаго и Золотогриваго, вся стая провожала его, и когда мы очутились далеко за городомъ голубятень, каждый изъ насъ закричалъ:

— Прощайте, прощайте.

— Кру-у, — отвѣтилъ Оловянный, въ послѣдній разъ обернувшись къ намъ: — прощайте!

Онъ ускорилъ свой летъ, и вдругъ всѣ трое пропали изъ глазъ, скрывшись въ сѣрой, равнодушной линіи горизонта.

Новыя приключенія Красноглавого.

Съ отлетомъ Оловяннаго Ночника я почувствовалъ одиночество и затосковалъ. Лѣниво исполнялъ я всѣ голубиныя обязанности, лѣниво высиживалъ дѣтей, леталъ, вертѣлъ, и все это не приносило мнѣ никакого удовольствія.

Въ серединѣ лѣта произошло слѣдующее. Однажды къ Хозяину пришли охотники, и онъ, чтобы доставить имъ удовольствіе, согналъ всю летку. У меня почему-то не было настроенія летать, и потому я сѣлъ однимъ изъ первыхъ. Хозяинъ покачалъ головой и сказалъ охотникамъ:

— А-га-ва-ма, какъ жаль, что Красноглавенькій сегодня не въ духѣ. Голубъ сталъ великолѣпно вертѣть, — прямо чудеса творить.

— Такъ вы сгоните его еще разъ, — попросилъ одинъ изъ охотниковъ: — можетъ-быть, теперь что-нибудь покажетъ.

— Я вообще не люблю мучить голубей, — сказалъ Хозяинъ: — а въ особенности этого...

— Ну, сгоните! — стали всѣ просить Хозяина и такъ настойчиво приступили къ нему, что онъ, хотя и недовольный, все же вынулъ платокъ изъ кармана и замахнулся на меня.

Я сердито сорвался съ голубятни, давъ себѣ слово ни разу не перекувырнуться въ воздухѣ. Поднялся я невысоко и поплылъ орломъ. Но тутъ неизвѣстно съ чего я неожиданно для себя завертѣлся, а завертѣвшись разъ, уже не могъ удержаться и пошелъ, пошелъ. Я уже забылъ и досаду, забылъ объ охотникахъ и отдался всецѣло милой забавѣ. Пущу клубокъ, развернусь, и опять вверхъ и опять за то же. Уже Охотникъ сталъ меня осаживать, уже и голуби начали предостерегать: „Довольно, Красноглавенькій, убьешься!“ — а я словно съ ума сошелъ, все длиннѣе клубки пускаю, все красивѣе.

— Кру-у, раздразили меня, такъ ужъ любуйтесь и не мѣшайте. — Поднялся я еще выше и говорю себѣ: „Теперь въ послѣдній разъ заверну, но ужъ покажу такой длинный вертъ, какого никто отъ роду не видалъ“.

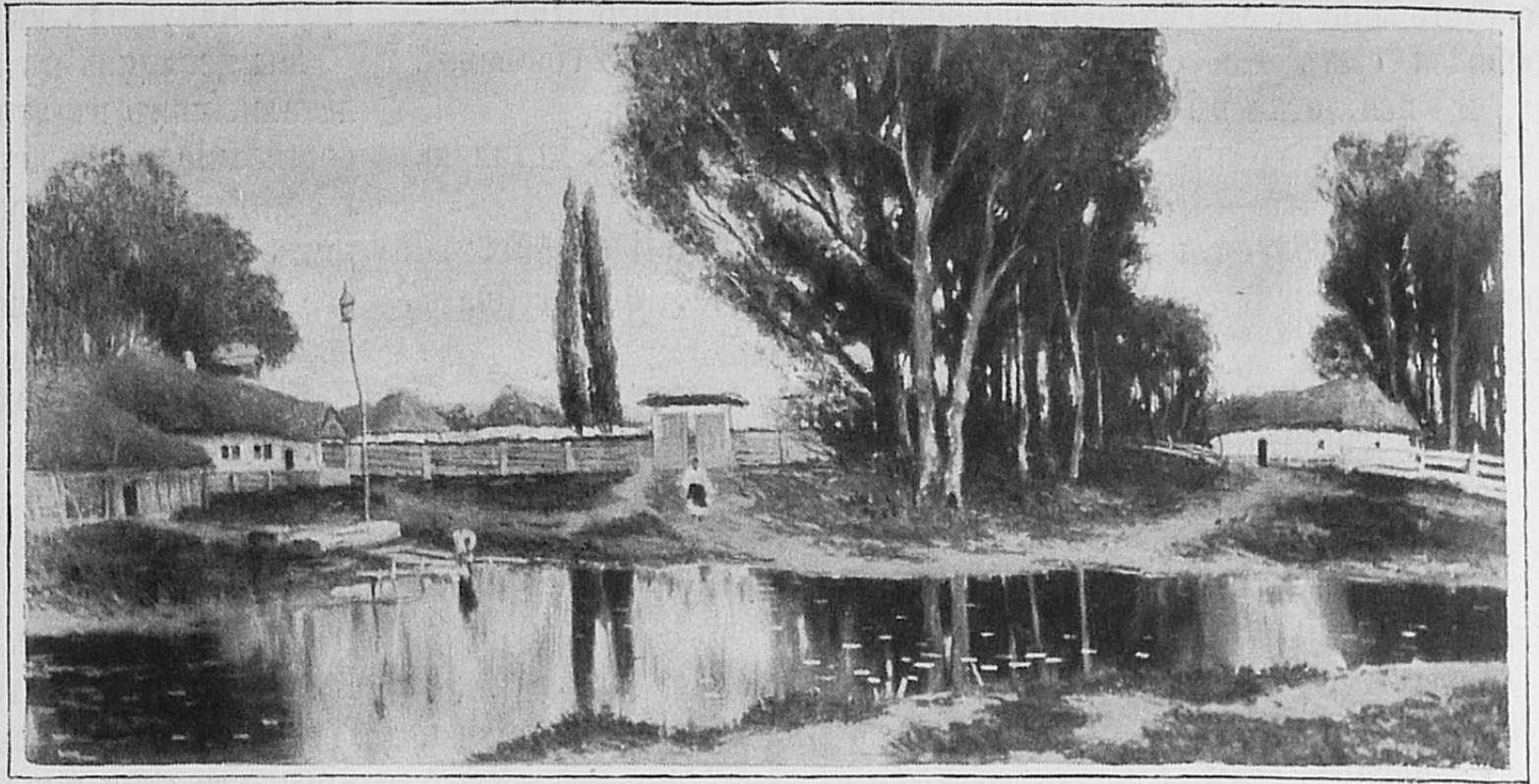
Сталъ, взмылъ воздухъ подъ собой и завертѣлъ... Въ душѣ и радость, и восторгъ, и страхъ, кружусь, кружусь, и нѣтъ этому конца... Оглядываюсь, что это? Ничего кругомъ не узнаю... Передо мною какая-то большая площадь, а самъ я въ рукахъ неизвѣстнаго человѣка... Пока я съ трудомъ обдумывалъ, что со мной приключилось, между неизвѣстнымъ, державшимъ меня, и другимъ шелъ такой разговоръ:

— А-га-ва-ма, купите голубенка? Подобралъ только-что на улицѣ...

— Что предлагаешь-то? — отвѣтилъ старческой, гнусавый голосъ. — Не видишь развѣ, голубъ разбитый, сейчасъ издохнетъ.

— У васъ не издохнетъ, торгуете голубями, значитъ — средство знаете. Смотрите, и глаза раскрылъ.

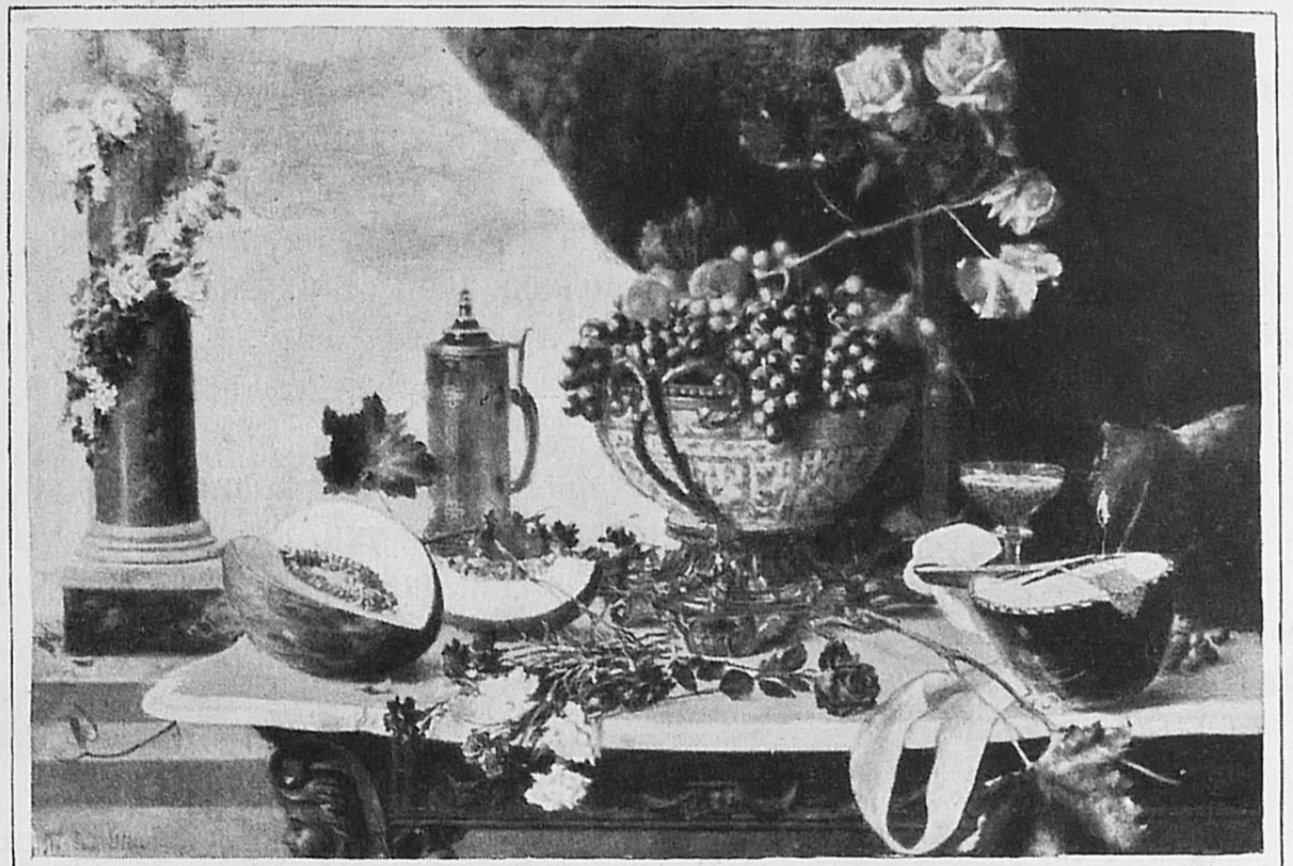
XX
Выставка
С: ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОБЩЕСТВА
Художниковъ

В. Васильевъ. Вечеръ въ Малороссіи.

К. Маковскій. Головка въ газѣ.

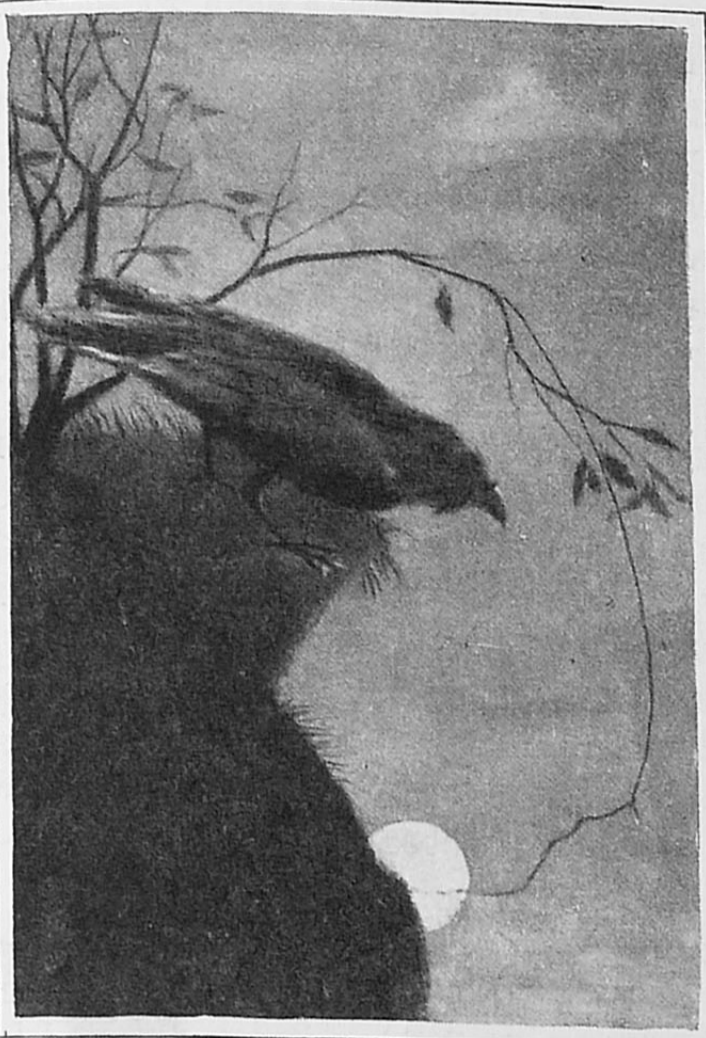
А. Гирвъ. Nature morte.

Г. Манизеръ. Екатерининскій каналъ.

В. Бобровъ. У окна.

В. Измайловичъ. Вѣщунъ.

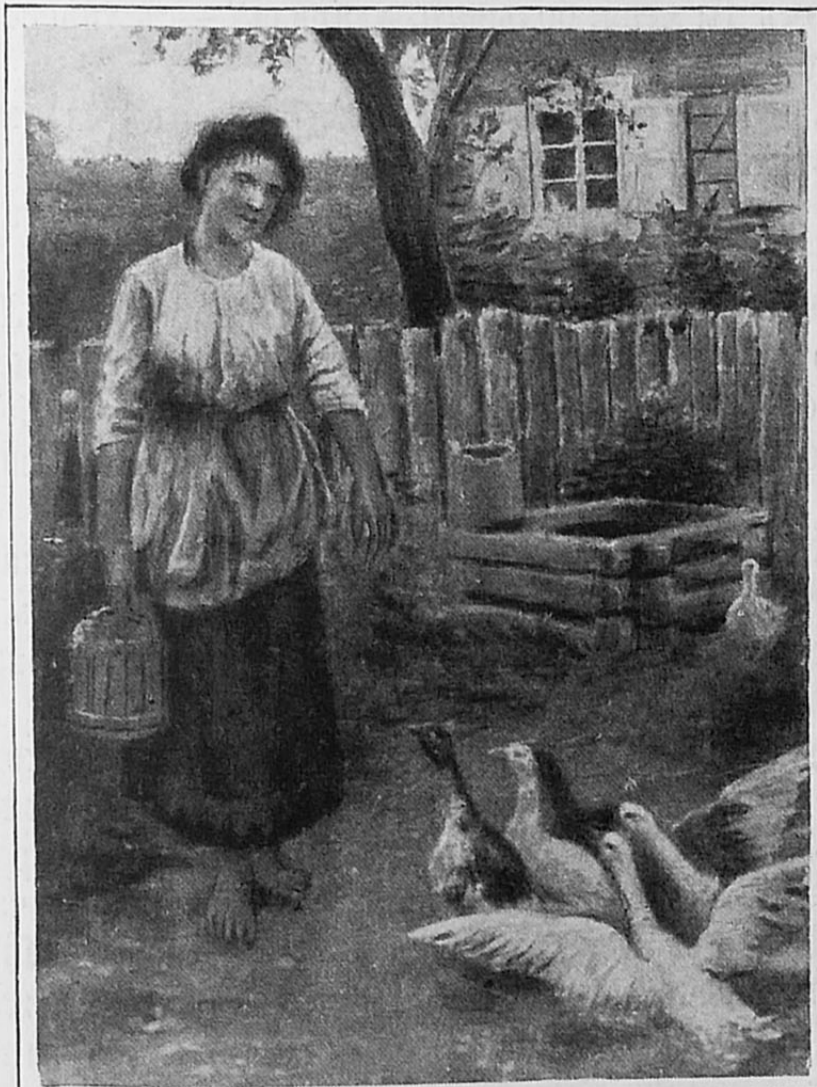
Ю. Клеверъ. Изъ садка.

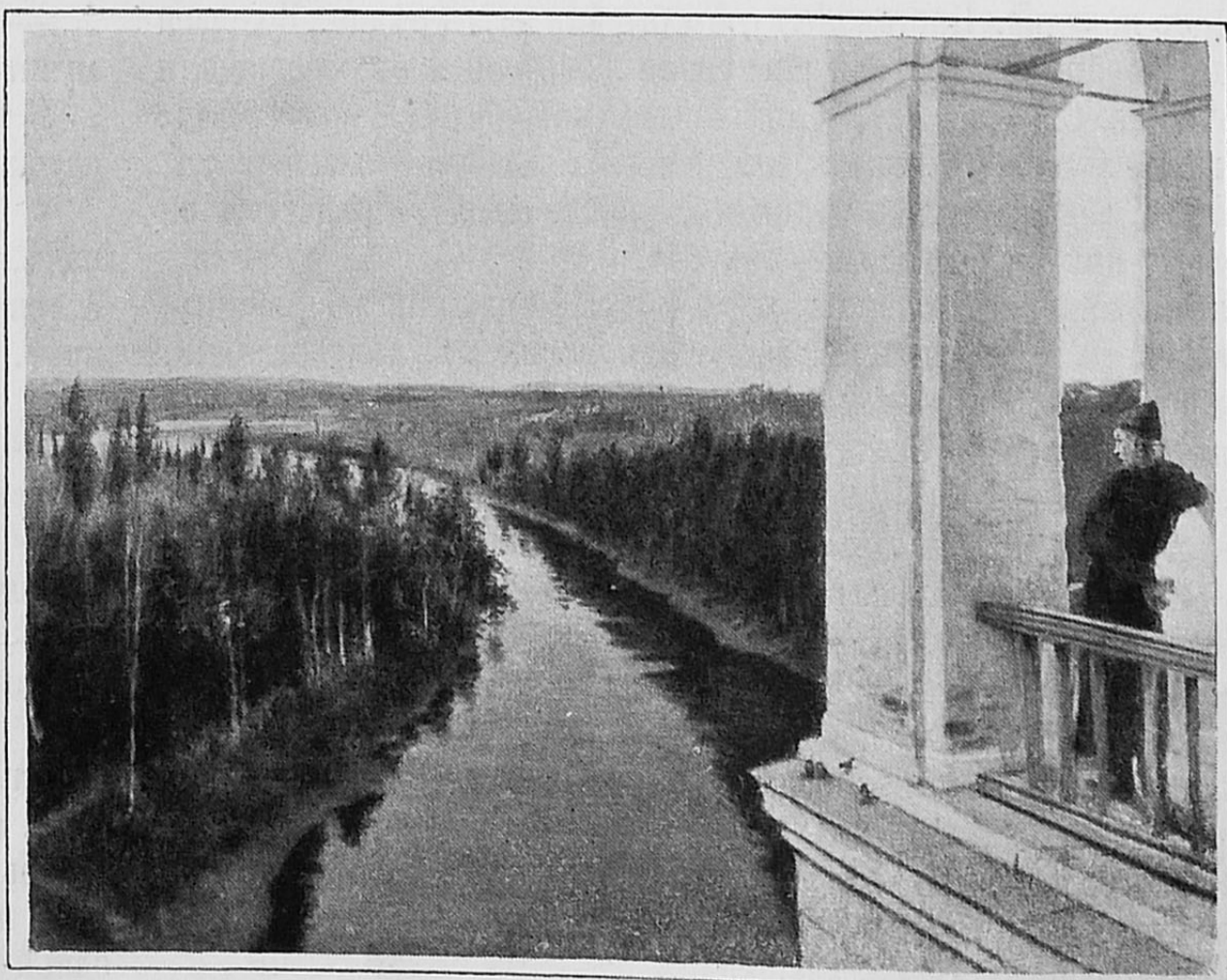
Г. Бакмансонъ. Roller skating.

А. Алексѣевъ. Беатриче.

И. Мацкевичъ. Деревенская идиллія.

М. Малышевъ. Элегія.

Старичокъ-торговецъ, беззубый, съ сѣдой бородашкой, нехотя взялъ меня въ руки, поглядѣлъ-поглядѣлъ и сказалъ:

— Гривенникъ развѣ дать?

— Хоть бы гривенникъ, — отвѣтилъ Незвѣстный: — и то деньги.

Взялъ меня старичокъ, понесъ въ свою будку и положилъ на полъ.

Я былъ такъ слабъ, что пролежалъ неподвижно до слѣдующаго утра. Утромъ я почувствовалъ себя немножко лучше и проглотилъ нѣсколько зеренъ, которыя бросилъ мнѣ новый хозяинъ. Однако ни ходить ни летать я не могъ. Старичокъ махнулъ на меня рукой и бросилъ въ какую-то клѣтку съ голубями.

Въ клѣткѣ въ первую минуту мнѣ пришлось довольно плохо. На меня съ злобой набросились голуби, стали бить, щипать, и такъ какъ защищаться я не могъ, то они, вѣроятно, и заклевали бы, если бы на мое счастье въ клѣтку не былъ пущенъ другой голубь. Тогда меня оставили въ покоѣ и взялись за новаго. Вскорѣ въ клѣтку посыпался послѣдъ, но его было такъ мало, что изъ-за зернышка дрались до крови.

День прошелъ мучительно. Я лежалъ въ уголку, стоналъ отъ боли и все обдумывалъ, какъ произошло со мной несчастье. Къ вечеру, когда стемнѣло, старичокъ занесъ всѣ клѣтки въ будку, заперъ ее, а чуть свѣтъ снова явился. За эту ночь я еще больше отдохнулъ и настолько окрѣпъ, что могъ даже сказать товарищамъ-голубямъ:

— Кру-у, — здравствуйте! — а черезъ нѣсколько дней боль въ тѣлѣ и совсѣмъ успокоилась.

Пришлось устраиваться на новомъ мѣстѣ. Будка наша была довольно большая и, если бы не столько паровокъ и всякаго хлама, просторная. Внутри стояли симметрично разставленныя клѣтки среднихъ размѣровъ съ парами подобранныхъ подъ масть голубей. Такъ, тутъ можно было найти почтовыхъ, бантовыхъ, ленточныхъ, египетскихъ, пожарныхъ, лимонныхъ трубачей, краснопопыхъ, гривуновъ, полосатыхъ, чаекъ. Цѣна этимъ голубямъ обыкновенно невысокая, и потому они бойко раскупаются мальчишками, любителями или малоопытными охотниками. Въ небольшихъ клѣткахъ находились пѣвчія птицы — пѣночки, снѣгири, чижи, репеловы, жаворонки, соловьи, шпаки. Снаружи у входа будки стояли клѣтки, большія и малыя, съ голубями, которые закупались по воскресеньямъ на Охотницкой. Тутъ же на веревочкахъ, продѣтыхъ черезъ клювы, висѣли съ вытянутыми ножками предназначенные для кухни битые голуби.

Съ ранняго утра въ птичьемъ ряду начинался шумъ. Свистѣли соловьи и снѣгири и чижи, заливались кенари, гудѣли голуби, раздавалось пѣніе пѣтуховъ, кудахтали куры, скулили голодные бродячія собаки. Всѣмъ хотѣлось ѣсть, пить, кто бесѣдовалъ, кто жаловался на житье-бытье сосѣду... Суетились торговцы, выносившіе живой товаръ изъ своихъ будокъ. Покупатели появлялись лишь съ полудня. Настоящіе купцы бывали здѣсь рѣдко. Большею частью базарныхъ голубей раскупали любители и въ особенности мальчишки. Спросъ былъ на лимонныхъ, на чубатыхъ, пожарныхъ, сизаковъ, луначей, темныхъ, и я искренно жалѣлъ этихъ живыхъ, веселыхъ, маленькихъ охотниковъ, уносившихъ съ радостью за пазухами никуда не годныхъ голубей.

Дошла наконецъ очередь и до меня. Невысокій оборванный мальчикъ съ короткимъ, вздернутымъ носикомъ, голубоглазый, въ веснушкахъ, съ грязными въ ссадинахъ руками, досталъ меня изъ клѣтки, наскоро оглядѣлъ, шмыгнувъ носомъ и скороговоркой спросилъ:

— А-га-ва-ма! За этого, дѣдушка, сколько?

— За какого? — лѣнливо проговорилъ старичокъ-хозяинъ. — Давай двугривенный.

— А крылья у него, дѣдушка, не испорченныя?

— Пошелъ, пошелъ. „Испорченныя“, — нараспѣвъ передразнилъ старичокъ. — Не въ больницѣ, чай, голубей покупаешь.

— А не „утекетъ“, дѣдушка, когда я его гнать стану?

— Кто его знаетъ? Можетъ, и „утекетъ“. На всякій случай попридержи.

— Крыло подрѣзать, дѣдушка?

— Зачѣмъ крыло? Сдѣлай ему вязки, гулять выпущай, вотъ онъ и привыкнетъ.

Сторговались. Мальчикъ нѣжно поцѣловалъ меня, засунулъ

за пазуху и сталъ обходить ряды. Еще какого-то голубенка купилъ и понесъ къ себѣ. Дома онъ пустилъ насъ въ маленькую грязную голубятню, гдѣ тѣснилась куча простыхъ голубей, пождавалъ, пока я гнѣздо выбралъ, полюбовался охотой и ушелъ.

Почувствовавъ голодь, я прыгнулъ на полъ, подобралъ клювомъ два-три зернышка, напился изъ чашечки мутной грязной воды и рѣшился взглянуть на своихъ будущихъ товарищей. Какими жалкими показались мнѣ эти луначи, чайки послѣ голубей нашей летки! Всѣ были грязныя, у однихъ нехватало перьевъ въ крыльяхъ, другіе не имѣли хвостовъ, парочки ютились въ крошечныхъ гнѣздышкахъ, — а между тѣмъ, къ моему удивленію, ни грязь, ни тѣснота, ни ободранныя крылья никого не тревожили. Встрѣтили они меня такъ. Когда я снова забрался въ свое гнѣздо, ко мнѣ заглянули Чайка и Луначъ и заявили, что меня требуетъ къ себѣ первый силачъ стаи — Краснорябый.

— Кру-у, Луначъ, я не знаю вашего Краснорябаго, — спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ я: — и потому передайте ему, что я не желаю являться къ нему. Скажите еще, что я очень боленъ и слабъ. Доказательство же моихъ словъ налицо. Мальчикъ-хозяинъ даже не связалъ моего крыла.

— Прошу не разсуждать, — строго сказалъ Чайка. — Краснорябый требуетъ, и потому ты долженъ подчиниться. Въ противномъ случаѣ мы тебя силой потащимъ къ нему.

Пришлось покориться. Я съ трудомъ спрыгнулъ на полъ и вскорѣ предсталъ передъ большимъ, некрасивымъ, безхвостымъ краснорябымъ голубемъ. Обдавъ меня звѣрскимъ взглядомъ, онъ отрывисто спросилъ:

— Кру-у, ты кто такой?

— Я — Красноголовенькій, потомокъ Орла Бѣлаго Голубя, — взволнованно отвѣтилъ я.

— Кру-у, я не спрашиваю тебя, чей ты потомокъ, — возразилъ онъ свирѣпо, вращая своими красными глазами и очень ловко почесавшись лапкой подъ крыломъ. — Самъ ты кто такой? Драться умѣешь? Вышибить изъ гнѣзда противника однимъ ударомъ можешь ли?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я: — не умѣю. Но я очень долго могу держаться въ горѣ, часовъ десять и даже болѣе.

— Чтò онъ намъ разсказываетъ? — слышались недовѣрчивые голоса голубей. — Чужой смѣется надъ нами...

— Кру-у, конечно, вретъ, — презрительно отозвался Краснорябый, поднявъ съ угрозой крыло, чтобы ударить меня.

— Я докажу это, — съ живостью отвѣтилъ я: — дайте только окрѣпнуть моимъ крыльямъ.

— Даю, — хладнокровно молвилъ Краснорябый и, быстро нагнувшись, вдругъ ударилъ меня такъ сильно, что я свалился съ ногъ.

— Кру-у, зачѣмъ ты меня, больного, ударилъ? — съ упрекомъ сказалъ я ему, поднимаясь.

— А для того, чтобы ты отвѣчалъ связнѣе, — отвѣтилъ мой мучитель. — Разскажи, какъ ты попалъ сюда!

Я началъ было разсказывать свою исторію, но онъ не сталъ слушать и гнѣвно оборвалъ:

— Чтò это еще за вертъ такой? Не знаю никакого верта. Луначъ, приказываю тебѣ не давать ему ѣсть въ теченіе двухъ дней. А теперь уберите его отъ меня. Стой! — закричалъ вдругъ разбойникъ, когда я повернулся, чтобы уйти. — Почему у тебя нѣтъ заднихъ пальцевъ на лапкахъ?

— Ихъ отрѣзалъ хозяинъ Охотникъ, какъ голубю высокаго происхожденія, какъ потомку Орла Бѣлаго Голубя, — отвѣтилъ я.

— Смѣшная исторія, — улыбнулись голуби. — Въ первый разъ слышимъ, чтобы птицъ лишали заднихъ пальцевъ.

— Кру-у, голуби и голубки, — искренно сказалъ я: — хотя каждое мое слово кажется вамъ выдумкой, но клянусь, я ни въ чемъ не солгалъ. Я дѣйствительно потомокъ знаменитаго Орла Бѣлаго Голубя, я вылетаю дѣйствительно десять и больше часовъ, я дѣйствительно разбилъ съ верта, и мое завѣтное желаніе теперь доказать вамъ все сказанное мной на дѣлѣ. Вы встрѣтили меня враждебно, а вся моя вина передъ вами въ томъ, что мы не одной породы. Есть и помимо вашей грязной голубятни большой, прекрасный міръ, котораго нельзя не цѣнить и не любить, и вы оцѣните и полюбите его, когда я разскажу вамъ о немъ. Лишь приблизившись къ нему, вы поймете, какъ дурна и нехороша

ваша жизнь. Вы можете сейчас еще раз побить меня за мои слова, изувечить и даже жизни лишиться, так как сила на вашей стороне. Что же, убейте,—я готовъ.

— А покажи намъ, какъ ты вертишь,—потребовалъ Лупачъ.

— Но я не могу это показать,—отвѣтилъ я:—взгляните на мои крылья, я едва двигаю ими.

— Кру-у, оставьте его въ покоѣ, развѣ вы не видите, что онъ боленъ?—неожиданно вступились за меня нѣкоторые голуби.

— Мы его оставимъ,—зловѣще выговорилъ Краснорябый и, выбравшись на рѣшетку, вылетѣлъ во дворъ.

Однако какъ ни ныло мое крыло отъ удара, я все-таки былъ доволенъ достигнутыми результатами въ средѣ этихъ разбойниковъ. Душевная сила, стойкость въ своихъ взглядахъ, правота, сияющая, какъ солнце, всегда окажутся побѣдителями, развѣ врагъ вашъ существо живое, чувствующее, способное къ размышлению. И дѣйствительно, такъ оно вскорѣ и случилось. Первыми перешли на мою сторону голубки, которымъ понравились моя искренность, неустрашимость, твердость,—качества пріятныя, при какихъ бы обстоятельствахъ они ни проявлялись. Вслѣдъ за ними примирились со мною и самцы, кромѣ самыхъ буйныхъ. Надъ моей изнѣженностью, слабостью, надъ моимъ голосомъ, казавшимся здѣсь мало мужественнымъ, перестали издѣваться, и только Краснорябый да Лупачъ и Чайка еще презрительно фыркали, когда случайно сталкивались со мною во дворѣ и требовали, чтобы я убрался куда-нибудь подальше отъ нихъ. Но я не унывалъ, продолжалъ держаться попрежнему, былъ внимателенъ, услужливъ, когда это требовалось, порицалъ въ глаза то, что мнѣ не нравилось, и въ концѣ концовъ мое спокойствіе, умѣніе поддержать свое достоинство покорили всѣхъ. Меня перестали чуждаться, не убѣгали больше съ дикимъ крикомъ при моемъ появленіи. Когда наконецъ и послѣдній безпощадный врагъ мой, Краснорябый, былъ побѣжденъ, я рѣшилъ познакомить всю стаю съ своей жизнью и съ жизнью избранныхъ голубей...

Въ одинъ зимній вечеръ я приступилъ къ своей исторіи, и въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ, пока длился рассказъ, интересъ всей стаи къ моему повѣствованію не уменьшался, а возрасталъ. Я ознакомилъ ихъ съ жизнью Орла Бѣлаго Голубя, какой я ее зналъ изъ рассказовъ моей матери, и, слушая о легендарныхъ состязаніяхъ и побѣдахъ этого доблестнаго предка, голуби, какъ неоперенные птенцы, тихимъ, благоговѣйнымъ „кру-у“ выражали свое восхищеніе героемъ. Все было имъ чудно въ моемъ повѣствованіи, ново, необыкновенно. Таинственнымъ, сказочнымъ городомъ рисовался имъ чердакъ, гдѣ обитали избранные, а сами избранные казались имъ полубогами. Съ трудомъ они представляли себѣ наглядно таинственныя паровки, засадки, роскошныя голубятни. Еще труднѣе было имъ усвоить и запомнить происхожденіе каждаго голубя и вполне оцѣнить значеніе полета и верта. Но усидчивостью, терпѣніемъ, безъ чего ничто не достигается въ жизни, мнѣ удалось добиться и этого отъ нихъ. Къ концу зимы каждый уже могъ бойко, безъ запинокъ, рассказать родословную Красноголовыхъ, Лысыхъ, Сѣдыхъ. Я познакомилъ ихъ съ исторіями Двудысаго, и особенный успѣхъ имѣло сказаніе объ Оловянномъ Ночникѣ, имя котораго сдѣлалось легендарнымъ въ голубятнѣ. Вѣра моя въ доброе начало, скрытое въ каждомъ существѣ, оправдалась. Грубая, невѣжественная стая оказалась доступной всему прекрасному и доблестному. Однако во всемъ этомъ вскорѣ обнаружилась и дурная сторона. Въ борьбѣ съ грубостью и дикостью я не замѣтилъ, какъ самъ сталъ опускаться. Окружающее настойчиво измѣняло мои привычки, уничтожало во мнѣ все, чѣмъ я выдавался въ этой средѣ, и я незамѣтно дѣлался похожимъ на своихъ новыхъ друзей. Я перенялъ ихъ осанку, усвоилъ языкъ, облѣнился, и думы мои стали мелкими. Отъ постоянного недоуданія я невольно сдѣлался жаднымъ, какъ и они, и по цѣлымъ днямъ пропадалъ во дворѣ въ поискахъ какой-нибудь пищи. Изъ души моей вытравившись благородныя инстинкты. Къ концу зимы я по внѣшности уже нисколько не отличался отъ своихъ товарищей. Куда дѣвалась моя гордая осанка? Походка у меня сдѣлалась торопливой, взглядъ—ищущимъ, безпокойнымъ и пугливымъ. Конечно, я не могъ не сознавать своего паденія и вотъ почему новую весну встрѣтилъ апатично. Въ голубятнѣ оказалось много лишнихъ голубокъ, и я, подобно другимъ, покорно сталъ мужемъ двухъ женъ, Лупачки и Сизачки, которыя нисколько не

правились мнѣ и ничѣмъ не прельщали. Мои двѣ голубки очень мило устроились рядомъ и совсѣмъ не ревновали другъ друга. До кладки яицъ мы жили тѣсной семьей втроемъ, и это здѣсь никому не казалось смѣшнымъ или достойнымъ осужденія, такъ какъ перевѣсъ голубокъ въ численности всегда кончался здѣсь многоженствомъ. Такъ, кромѣ меня, у Краснорябаго были три голубки, у другихъ по двѣ. Чего однако не дѣлаетъ привычка съ нами! Голубки мои были довольно безобразны, но обѣ относились ко мнѣ такъ нѣжно, такъ ласково и предупредительно, что я въ концѣ концовъ привязался къ нимъ, и между нами, какъ и у другихъ, впрочемъ, постоянно царил миръ и доброе согласіе. Когда пришла пора кладки яицъ, голубки выбрали большое гнѣздо, приготовили изъ соломы круглую подстилку, въ чемъ я дѣлательно помогалъ имъ,—и попеременно нанесли четыре яйца. Сидѣли мы на нихъ поочередно. Сначала мнѣ показалось невозможнымъ согрѣвать четыре яйца сразу, но любовью и терпѣніемъ я побѣдилъ это неудобство. Такъ, въ спокойствіи и пріятной заботѣ о своемъ гнѣздѣ, прошло много дней. Вскорѣ изъ яицъ вылупились птенцы, и въ голубятнѣ начался знакомый мнѣ шумъ и пискъ. Я сталъ отцомъ четырехъ малышей и, надо признаться, горячо полюбилъ ихъ. Пролетѣло еще нѣсколько времени. Крылья мои все не поправлялись, и я начиналъ думать, что останусь калѣкой навѣки.

Въ этотъ памятный день я, по обыкновенію, вышелъ во дворъ поискать корма для дѣтей. Очутившись за голубятней, я сталъ клювомъ разрывать рыхлую землю, какъ вдругъ въ меня полетѣлъ камешекъ. Я успѣлъ замѣтить его и ловко подпрыгнулъ. Камешекъ пролетѣлъ мимо. Оглянувшись, я увидѣлъ какого-то мальчика, снова цѣлившагося въ меня.

„Кру-у, — подумалъ я: — надо быть осторожнѣе, пожалуй, еще попадетъ въ голову и убьетъ“.

Новый камешекъ полетѣлъ въ меня. Я опять подпрыгнулъ, и, о счастье, на этотъ разъ не упалъ на землю, — крылья послушно понесли меня. Ничего не понимая, я пролетѣлъ небольшое разстояніе, сѣлъ и оглянулся на своего врага. Вдругъ какъ бы сила какая толкнула меня. Я поднялся и хотя съ трудомъ, кося крыломъ, перелетѣлъ на крышу. Я былъ такъ пораженъ происшедшимъ, что долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Кру-у, значитъ, я не калѣка и могу переноситься по своему желанію куда хочу? Попробую-ка еще разъ. Но что, если вдругъ крылья откажутся служить мнѣ? Не разбѣжаться ли раньше, чѣмъ сдѣлать попытку? Нѣтъ, лучше подождать, не буду испытывать судьбу...

Въ необыкновенномъ волненіи я добрался до стѣны и заглянулъ въ сосѣдній дворъ. Кру-у, какъ тамъ было хорошо! Посреди стояла красная голубятня, гораздо больше нашей, по землѣ гуляли голуби, одни клевали, другіе забавлялись. Меня тотчасъ же замѣтили и заворковали „кру-у“, что означало: „здравствуй, чужакъ“, или „привѣтъ тебѣ“. Я кивнулъ имъ головой. Какая-то пара голубей сорвалась съ голубятни и перелетѣла ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ, самецъ, красивый, длинохвостый Гривунъ, поклонился любезно и вѣжливо сказалъ:

— Кру-у, не сдѣлаешь ли Красноголовый удовольствія слетѣть къ намъ во дворъ? Стая поручила пригласить тебя.

— Кру-у, кру-у, у насъ очень хорошо,—заворковала самка, маленькая Гривушка, съ парой прелестныхъ малиновыхъ усиковъ:—не то что въ твоей голубятнѣ. Въ нашей большія гнѣзда, и кормятъ насъ чудесной пшеницей. Кромѣ того, хозяинъ не мучитъ стаю, какъ вашъ злой мальчишка.

— Кру-у, благодарю васъ за приглашеніе, друзья мои, но сейчасъ я нахожусь въ такомъ волненіи, что мнѣ даже трудно собраться съ мыслями и отвѣтить вамъ такъ, какъ вы этого заслуживаете. Будьте добры и скажите, машу ли я крыльями, или это мнѣ только кажется? Не удивляйтесь моему вопросу,—я не сумасшедшій. Отвѣтьте только, правда ли, что я поднялся и сѣлъ невдалекѣ отъ васъ?

— Да, правда, — стараясь не выказывать своего удивленія, произнесли оба, подлетѣвъ ко мнѣ.—Но въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

— Кру-у, друзья мои,—отвѣтилъ я:—очень много необыкновеннаго, очень много. А впрочемъ, вы правы, вамъ вѣдь неизвѣстна моя исторія. Вотъ я снова поднялся и опять сѣлъ. Какъ хорошо, какъ радуется мое сердце!

— Почему же ты не желаешь перелетѣть къ намъ?—опять

— М. Игнатъевъ. „Нянька“. (XX выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ). Картина приобрѣтена для Музея Императорской Академіи Художествъ. —

спросилъ Гривунъ. — Я, право, удивляюсь твоему отказу. Въ моемъ предложеніи вѣдь нѣтъ ничего предосудительнаго.

— Кру-у, — о, нѣтъ, — поторопился я отвѣтить: — но прости, сейчасъ мнѣ не до того. Я не соображаю, о чемъ говорю. Прости, прости меня..

Я трепеталъ отъ счастья, отъ воспоминаній, и омерзительной показала мнѣ крошечная голубятня, гдѣ я провелъ столько времени въ темнотѣ, тѣснотѣ и грязи. Вся моя жизнь, прошедшая въ ней, предстала, какъ страшный кошмаръ. Я не хотѣлъ быть неблагодарнымъ, но сознание своей силы сдѣлало меня имъ. Правда, я жалѣлъ своихъ голубокъ, своихъ птенцовъ, сидѣвшихъ вонъ тамъ въ маленькой красной тюрьмѣ, я вспоминалъ товарищей, и все-таки не могъ отказаться перелетѣть на сосѣднюю крышу. „Конечно, я еще вернусь назадъ, — думалъ я: — и уйду отсюда иначе, честно, распрощаюсь съ товарищами, съ голубками, съ дѣтьми, а сейчасъ только проверю свои силы“.

Не успѣлъ я хорошенько подумать, куда направить свой полетъ, какъ съ маленькой голубятни сорвался товарищъ Лупачъ и, подлѣвъ ко мнѣ, съ упрекомъ сказалъ:

— Кру-у, безумный, что ты собираешься дѣлать? Ты вѣдь съ нашимъ кругомъ незнакомъ и, разъ снявшись, ужъ не найдешь дороги домой. Вспомни о своихъ птенцахъ, голубкахъ.

— Милый Лупачъ, — сказалъ я ему: — тебѣ очень трудно понять, что сейчасъ происходитъ въ моей душѣ, и слова твои, хотя идутъ отъ дружескаго сердца, все же мнѣ не нравятся. Порадуйся лучше со мной тому, что я легко отдѣляюсь отъ земли. Не говорю тебѣ: „прощай“, потому что я вернусь.

Говоря такъ, я подпрыгнулъ и полетѣлъ, кося крыломъ. Надъ ближайшей крышей я сложилъ крылья и опустился. Но чужое, незнакомое мѣсто вызвало во мнѣ испугъ. Я недовѣрчиво оглянулся и помимо воли опять сорвался и полетѣлъ, не зная, почему и зачѣмъ. Снова я опустился гдѣ-то, отдохнулъ съ минуту и опять полетѣлъ. Подо мной мелькали незнакомыя крыши, страхъ возрасталъ въ душѣ. Я говорилъ себѣ: „Лети назадъ, птенцы ищутъ тебя, голубки встревожены“. Но тщетно, — я все дальше уходилъ отъ родного жилища, куда уже не суждено мнѣ было вернуться. Усталость покорила меня, и когда я присѣлъ на какую-то крышу, я могъ считать себя уже бездомнымъ голубемъ. Тогда, въ печали и раскаяніи, я сталъ обдумывать, что мнѣ предпринять. „Конечно, — размышлялъ я: — домой мнѣ не вернуться. Остается опять предоставить случаю устроить мою жизнь“. Я притихъ. Вся жизнь вдругъ прошла передъ моими глазами. Какъ далеко уже было отъ меня то время, когда я птенцомъ расхаживалъ на чердакѣ, гордый, чванный, не желая разговаривать съ голубями, которые по происхожденію были чуть ниже меня. Думалъ ли я тогда, мечтая о состязаніяхъ и побѣдахъ, что нѣкогда буду сидѣть на какой-то крышѣ безпріютный, полукалѣка, безъ надежды выбраться когда-нибудь изъ бѣды...

Размышляя такъ и разсѣянно оглядываясь, я вдругъ замѣтилъ невдалекѣ отъ себя кошку, осторожно подкрадывавшуюся ко мнѣ. Она не шла, а, какъ тѣнь, скользила, поглядывая съ равнодушнымъ видомъ по сторонамъ. Только хвостъ ея плавно извивался. Неожиданно она остановилась и взглянула мнѣ въ глаза. Я тихо задрожалъ и, словно парализованный ея бездоннымъ краснымъ зрачкомъ, помимо воли, окаменѣвъ, сталъ ждать, однако ни на минуту не теряя изъ виду ни одного ея движенія. Опять она пошла, и я шелохнулся. Вблизи меня она остановилась, видимо, ища глазами моихъ зрачковъ. Я опустилъ голову и глухо воркнулъ. Молнія метнулась въ моихъ глазахъ. Ея бѣлое тѣло протянулось, удлинилось, моментально сгорбилось, глаза странно засверкали зеленымъ дикимъ блескомъ. Я дернулся въ сторону и кинулся во дворъ. Упавъ, какъ камень, и дрожа всѣмъ тѣломъ, я хотѣлъ-было взглянуть наверхъ, какъ вдругъ вниманіе мое привлекъ какой-то синій голубь, недвижно лежавшій на землѣ. Обрадовавшись товарищу, я подошелъ къ нему и просто сказалъ:

— Кру-у, здравствуй, незнакомый голубь! Не можешь ли ты мнѣ сказать, гдѣ я нахожусь?

Синій голубь поднялъ голову и тихимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Кто бы ни былъ ты, незнакомый пришелецъ, бѣги отсюда. Если ты не плѣнникъ, воспользуйся своей свободой и спасайся...

— Отчего же ты самъ этого не сдѣлаешь? — недовѣрчиво

спросилъ я, удивленный звукомъ его голоса, который возбудилъ въ моей памяти далекія воспоминанія.

— Почему? — переспросилъ Синій голубь. — Посмотри на меня и скажи, могу ли я бѣжать?

Онъ сдѣлалъ усиліе и поднялъ два низко подрѣзанныхъ крыла.

— Кру-у, увы, — прошепталъ я.

— Въ твоёмъ голосѣ я прочелъ состраданіе, — строго произнесъ онъ, сложивъ на спинѣ изуродованные крылья. — Но успокойся и развеселись. Я ни въ чемъ состраданію не нуждаюсь. Взгляни еще сюда. Ты видишь это кольцо, которое сжимаетъ мою ногу, и бечевку, привязанную къ нему?

— Кру-у, — горячо сказала я: — позволь освободить тебя хотя бы отъ этого страданія.

— Благодарю тебя, — твердо и серьезно молвилъ Синій голубь. — Но твоя услуга нисколько не облегчила бы моего положенія. Куда я пойду и гдѣ укроюсь отъ своего мучителя-человѣка? Кто догадается, что подъ этой синей краской, въ которую окрасили меня, скрывается Оловянный Ночникъ, одинъ изъ первыхъ летуновъ нашей голубиной породы?

Онъ не успѣлъ окончить, какъ я, раскрывъ крылья, бросился къ нему...

— Ты Ночникъ? Ты? — воскликнулъ я взволнованный. — Что же съ тобой сдѣлали, дорогой другъ мой, какъ попалъ ты въ руки своего мучителя?

— Кто же ты самъ? — спросилъ Ночникъ, недовѣрчиво оглядывая меня.

— Развѣ ты меня не узнаешь? Вѣдь я Красноголовенькій. Ахъ, должно-быть, и я сильно перемѣнился, если твои острые глаза не признали меня сразу.

— Но у Красноголового перья были ярче, радуга играла на его крыльяхъ, и голосъ былъ благороднѣе, — сказалъ онъ.

— Но это я, дѣйствительно я, дорогой другъ мой. Посмотри, на моихъ ногахъ серебряныя кольца. Вѣришь ли ты мнѣ?

Лишь тогда онъ призналъ меня, но холодомъ повѣяло отъ его привѣтствія. Ни одного ласковаго слова онъ не сказалъ мнѣ. Безучастно онъ посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— Кру-у, радость уже недоступна моему сердцу, Красноголовенькій. Радость принадлежитъ живымъ, а я давно уже распротился съ жизнью, съ ея обманчивымъ блескомъ и хитрой завлекающей ложью. Завтра утромъ меня лишатъ жизни съ тѣмъ, чтобы изъ моего стараго тѣла сдѣлать вкусное блюдо къ обѣду. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь бьется мое сердце, звавшее меня къ свободѣ, завтра будетъ лежать поджаренный каштанъ, и мнѣ смѣшно думать, что для послѣдняго предсмертнаго утѣшенія, а можетъ-быть, съ цѣлью вызвать слезы на моихъ глазахъ, судьба подослала мнѣ стараго друга. Я презираю этотъ ея даръ и отворачиваюсь отъ тебя.

— Кру-у, милый другъ, — съ горемъ сказала я: — твое несчастье такъ велико, что я не смѣю произнести слово утѣшенія. Позволь мнѣ только побыть съ тобой эти послѣдніе часы. Клянусь не беспокоить тебя никакими разспросами. Я буду молча раздѣлять съ тобой и скорбь твою, и презрѣніе твое, и справедливый гнѣвъ твой.

— Нѣтъ, — сказалъ Ночникъ: — свою чашу страданій я желаю испить въ одиночествѣ, и если ты когда-нибудь искренно любилъ меня, то не откажи въ послѣдней просьбѣ. Взмахни крыльями, поднимись высоко и удались отсюда. Удались безъ оглядки, чтобы забыть мѣсто, гдѣ нашелъ меня. И если встрѣтишь нашихъ, передай имъ, что видѣлъ, но скажи, что Ночникъ до послѣдней минуты не сдался. Сильнымъ и презирающимъ, смѣясь надъ глупой, злобой судьбой, онъ спокойно перенесъ свои страданія и радостно расстался съ жизнью.

Я исполнилъ точно и съ благоговѣніемъ волю моего стараго друга, взмахнулъ крыльями, поднялся высоко и понесся прямо, не оглядываясь. Сердце мое было переполнено печалью, но печаль эта была не дряблая, убивающая духъ, а бодрая, возвышающая, зовущая къ борьбѣ съ судьбой.

Уже наступилъ вечеръ, когда я опустился на какую-то крышу. О томъ, чтобы утолить голодь, жажду, нечего было и думать. Надо было устраниваться на ночь. Я выбралъ для себя болѣе удобное мѣсто, прилежъ и отъ усталости тотчасъ же заснулъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Русскіе трапперы въ Манчжуріи.

Очеркъ Н. А. Байкова.

(Продолженіе).

Наступилъ 1904 годъ, чреватый событіями.

Грянула война. Лучшие сыны нашего отечества устремились на Дальній Востокъ, становясь въ ряды арміи. Манчжурія, въ особенности къ югу отъ Харбина, совершенно преобразилась, проснулась, стяхнула свой тысячелѣтній сонъ и зорко наблюдала за смертельной борьбой двухъ колоссальныхъ армій. Тюркчентъ, Вафангоу, Ляоянь, Портъ-Артуръ, Цусима, Шахэ и Мукденъ промелькнули, какъ кошмарныя видѣнія передъ изумленными взорами всего міра.

Война приближалась къ концу.

Доведенная до истощенія, армія побѣдителя бездѣйствовала, не смѣя вступить въ бой съ побѣжденными сѣверными богатырями, грозно застывшими въ ожиданіи послѣдняго рокового сраженія. Такъ боязливо отступаетъ назадъ рьяный охотникъ передъ раненымъ львомъ, когда тотъ, гнѣвно сверкая глазами и раскрывъ свою страшную пасть, подниметъ для смертельнаго удара могучую грозную лапу.

Свѣжія войска прибывали въ Харбинъ.

На вокзалѣ народу было много. Въ залѣ перваго класса, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Офицеры и военные чиновники всевозможныхъ частей толпились у буфета, сидѣли у столиковъ и стояли, за неимѣніемъ мѣста, гдѣ сѣсть.

Я ходилъ отъ скуки по перрону въ ожиданіи почтоваго поѣзда на востокъ.

Звонки были поданы. Поѣздъ вышелъ съ предыдущей станціи.

— Здравствуйте, дорогой! Вотъ не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить!—услышалъ я громкій голосъ возлѣ себя. Я обернулся. Передо мной стоялъ кавалерійскій офицеръ въ пальто и енотовой папахѣ. Въ петличкѣ обшлага виднѣлась георгіевская ленточка. Онъ былъ средняго роста, бритый; большіе бѣлокурые усы торчали въ стороны; голубые выпуклые глаза вопросительно и задорно смотрѣли на меня.

Что-то знакомое показалось мнѣ въ этомъ взорѣ, гдѣ-то я видѣлъ раньше эти большіе выразительные глаза. И вспомнилъ я глухую, дремучую тайгу, убогую избушку на крутомъ берегу горной рѣчки, медвѣжью охоту и двухъ промышленниковъ, съ которыми познакомился тогда, два года тому назадъ.

— Неужели вы Веселовскій? Александръ Ивановичъ? — воскликнулъ я, пораженный неожиданной встрѣчей. — Какими судьбами васъ сюда занесло?

Мы съ чувствомъ расцѣловались.

— Ну, рассказывайте, какъ и чтѣ! — продолжалъ я: — въ васъ такая рѣзкая перемѣна и для меня непонятная и неожиданная!

Въ это время къ дебаркадеру подходилъ съ запада поѣздъ, громыхая и шипя тормозами Вестингауза.

— Знаете чтѣ! — замѣтилъ я: — ѣдемъ сейчасъ со мной на востокъ! Вы свободны? По дорогѣ наговоримся.

— Нѣтъ, простите, не могу; здѣсь я въ командировкѣ и завтра долженъ отправляться къ мѣсту службы, на югъ, — проговорилъ онъ и сейчасъ же прибавилъ: — а вотъ, если хотите, я посижу съ вами въ вагонѣ до отхода поѣзда: времени у насъ будетъ изрядно, около двухъ часовъ, кажется.

Пришлось согласиться и на это. Протолкавшись сквозь толпу всевозможнаго люда, наполнявшаго перронъ станціи, мы вошли въ вагонъ второго класса, биткомъ уже набитый.

Кое-какъ раздобыли себѣ два боковыхъ мѣста и заняли ихъ.

— Ну, рассказывайте, дорогой Александръ Ивановичъ, времени терять нечего. Я слушаю! — проговорилъ я, складывая свои дорожныя вещи на верхнюю полку.

На правой рукѣ Веселовскаго блестѣло обручальное кольцо; я ему указалъ на это.

— Да, да, батенька, женился. Вотъ ужъ скоро будетъ годъ. Я говорилъ вамъ еще тогда, что имѣю склонность къ семейной жизни... Вотъ, видите ли, съ чего же начать? Да, вы тогда ушли отъ насъ, еще Илья лежалъ, раненый медвѣдемъ. Бѣдный! Ему, видно, ужъ суждено было сложить свою голову въ тайгѣ Манчжуріи. Отъ ранъ, нанесенныхъ медвѣдемъ, онъ поправился, только окривѣлъ на одинъ глазъ. Я ужъ его возилъ къ врачу на станцію Хандаохедзы, но ничего не помогло: глазъ вытекъ. Хорошо еще, что лѣвый, такъ что онъ могъ стрѣлять. Характеръ только у него измѣнился: онъ сталъ злобенъ на звѣря и лють съ нимъ, чтѣ его и погубило въ концѣ концовъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго, то-есть 1904 года у насъ появились тигры. Мы съ нимъ одного взяли, а другого сильно ранили и пошли по кровавому слѣду; не доходя до него шаговъ двѣсти, я пошелъ наперерѣзъ, а Илья — по слѣду. Хитрый звѣрь замѣтилъ нашу ловку и сдѣлалъ засаду, бросившись на меня изъ-за камня. Я не успѣлъ не только выстрѣлить, но и ружья поднять, какъ былъ сбитъ на землю, и считалъ себя уже погибшимъ, мысленно молясь Богу о спасеніи. Да, хотя я и отрицалъ тогда существованіе Бога, но въ эту страшную минуту почему-то обратился въ глубоко-вѣрующаго. Вѣрно, ужъ натура человѣческая такъ устроена! Вы понимаете, въдъ сопротивленіе этому звѣрю бессмысленно. Я только лежалъ ничкомъ и старался руками своей куртки закрыть голову, чтобы чудовище своими когтями не сорвало мнѣ черепъ. Долго

ли продолжалось это, не знаю, но вдругъ я чувствую, какъ звѣрь оставляетъ меня и съ ревомъ бросается въ сторону. Оказалось, что Илья, увидя меня лежащимъ подъ тигромъ и боясь стрѣлять, чтобы случайно не убить меня, подошелъ къ разъяренному звѣрю съ цѣлью всадить ему подъ лопатку свой длинный ножъ; но тигръ не такой звѣрь, чтобы позволить сдѣлать это безнаказанно. Онъ оставилъ меня и подмялъ подъ себя Илью. Но, какъ вы знаете, силенка у него была изрядная, и онъ успѣлъ распоротъ тигру брюхо, но самъ былъ такъ израненъ и поломанъ, что черезъ день скончался. Я отдѣлался легко, только глубокими царапинами на затылкѣ, спинѣ и рукахъ; у Барабаша были сломаны обѣ руки, распорота грудная клѣтка и изодрано все лицо, при чемъ онъ лишился и второго глаза. Кое-какъ я довелъ его въ зимовье, перевязавъ, какъ умѣлъ, но спасти не могъ — онъ умеръ къ вечеру слѣдующаго дня. Умиралъ онъ въ полной памяти. Деньги свои, — у него было около четырехъ тысячъ, — онъ просилъ отослать женѣ своей въ Черниговку. Святая душа была у этого могучаго человѣка! И теперь, какъ вспомню, отъ слезъ не могу удержаться... — Чтобы скрыть свое состояніе, онъ началъ громко сморкаться.

Я отвернулся и смотрѣлъ въ окно. Жаль было этого цѣльнаго, рѣдкихъ человѣческихъ качествъ, человѣка.

Успокоившись, Веселовскій продолжалъ:

— Умирая, онъ благословилъ меня своимъ тѣльнымъ образомъ и умолялъ похоронить на высокой скалѣ, около нашего зимовья, откуда открывается чудный видъ на окрестныя горы и лѣса. Я закопалъ его тамъ и поставилъ надъ нимъ большой дубовый крестъ. Могила его видна издалика; надъ нею качаются свои кудрявыя вѣтви могучіе старые кедръ, а внизу темная, дремучая тайга поетъ свою дикуую заунывную пѣсню... Когда не стало моего друга, я не могъ оставаться одинъ въ лѣсу: тоска глодала мое сердце, и я ушелъ. Какъ разъ тогда разгоралось пламя войны; отечество ждало отъ своихъ сыновъ подвиговъ и самопожертвованія, и я поступилъ охотникомъ въ казачій полкъ. Теперь, какъ видите, дослужился уже до офицерскаго чина. Женился въ концѣ прошлаго года на сестрѣ милосердія; познакомился съ нею въ госпиталѣ въ Харбинѣ, гдѣ лежалъ раненый... Вотъ вамъ и вся моя несложная исторія... Ну, а какъ выживаете? — спросилъ онъ меня, чтобы переимѣнить разговоръ.

— У васъ, я вижу, георгіевская ленточка. Расскажите, гдѣ и за что получили? — спросилъ я его, не замѣчая вопроса.

Раздался третій звонокъ. Веселовскій всталъ. Мы обнялись и поцѣловались. Поѣздъ тронулся.

— Пишите: „Харбинъ до востребованія“, — закричалъ онъ, спрыгивая съ подножки вагона.

Громыхая желѣзными болтами и стуча колесами на стрѣлкахъ, поѣздъ, ускоряя ходъ, помчался къ востоку.

II.

Солнце только что скрылось за лѣсистыми гребнями мрачнаго Цайлина, когда однажды осенью, уставшіе и голодные, подошли мы къ одинокой фанзѣ стараго звѣролова Тунъ-ли.

Темная, дремучая тайга осталась позади. Передъ нами открылась дивная панорама невысокихъ горъ Лоэ-лика, озаренныхъ красноватой зарей заката.

На востокѣ, въ туманной дали горизонта, синѣли, словно тучи, силуэты горнаго кряжа Чанъ-Линза, у подошвы котораго раскинулась широкая долина Мудандзяна, съ богатыми селеніями, тучными полями и огородами. Узкая лента желѣзной дороги извивалась, какъ змѣя, между скалами и сопками, въ падахъ и ущельяхъ.

Далеко-далеко въ туманѣ бѣлѣли дома и зданія станціи Хайлинь. Золотые лучи заходящаго солнца отражались въ окнахъ и горѣли искристыми точками.

Долго стояли мы, очарованные этой картиной, казалось, забывъ все на свѣтѣ, отдавая мечтамъ и уносясь мыслью въ далекую родину. Но громкій голосъ стараго таежника, раздавшійся вблизи, вывелъ насъ изъ задумчивости, напомнивъ о суровой дѣйствительности.

Со мною былъ солдатъ пограничной стражи, постоянный спутникъ въ горахъ Манчжуріи.

— Здравствуй, капитанъ! — произнесъ старый звѣроловъ, подавая мнѣ свою жесткую, костлявую руку: — я ждалъ тебя еще вчера и собрался уже одинъ итти на охоту!

— Ну, здравствуй, Тунъ-ли! Какъ поживаешь? Завтра пойдемъ вмѣстѣ! — отвѣтилъ я, здороваясь съ нимъ.

— Да! Завтра чуть-свѣтъ надо выйти вонъ на ту сопку. Изюбровъ много. Есть одинъ быкъ, реветъ все равно какъ тигръ! — замѣтилъ старикъ, приглашая насъ въ фанзу.

Ночь наступила быстро. Въ темномъ небѣ заискрились золотыя звѣзды. Панорама далекихъ горъ сливалась въ одну неопредѣленную массу, и только контуры ближайшихъ сопковъ выдѣлялись зубчатыми линиями.

Природа словно замерла. Издалека доносился шумъ тайги, да на днѣ глубокой пади рокотала бурная горная рѣчка.

На ближайшей вершинѣ раздался ревъ самца изюбра, ему

ную оть казаковъ, приходившихъ съ Усури на промыселъ. Помню, какъ-то разъ ночевалъ у меня русскій охотникъ; я съ нимъ охотился тогда на тигра, но неудачно. Много мы съ нимъ говорили обо всемъ, вотъ какъ съ вами. На прощанье онъ подарилъ мнѣ свой ножъ; у меня онъ и сейчасъ есть... Погодите, я принесу его... — и съ этими словами Тунъ-ли исчезъ въ фанзѣ.

Черезъ минуту онъ принесъ и показалъ намъ небольшой англійскій охотничій ножъ; на роговой рукояткѣ его выжжены были двѣ буквы: „А. Е.“

— Охотникъ этотъ былъ еще и врачъ, — онъ лѣчилъ сына моего, раненаго медвѣдемъ. Только черезъ годъ узналъ я въ станицѣ Полтавской, кто такой этотъ человекъ. Это былъ докторъ Елисеѣвъ, извѣстный путешественникъ и даже ученый писатель. Хорошая душа была у него; въ глазахъ его свѣтилась какая-то святая кротость. Взглянетъ онъ на тебя, и кажется — видитъ насквозь и читаетъ твои мысли. Своей кротостью и добротой онъ покоришь себѣ самыхъ закоренѣлыхъ негодяевъ и даже разбойниковъ-хунхузовъ, — они служили ему проводниками и смотрѣли за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. Между тѣмъ эти люди были извѣстны, какъ убійцы и воры. Вотъ, истинное добро всегда побѣждаетъ зло... Впрочемъ, вмѣстѣ съ кротостью въ глазахъ его видна была печаль, — должно-быть, въ жизни его было много горя...

Узнавъ, что онъ встрѣчался съ извѣстнымъ Елисеѣвымъ, путешественникомъ и писателемъ, я забросалъ Тунъ-ли вопросами, чтобы пролить свѣтъ на пребываніе этого извѣстнаго человека въ Манчжуріи, но старый звѣроловъ охладилъ мой пылъ, указавъ на звѣздное небо, и проговорилъ:

— Завтра я расскажу все, а теперь пора уже спать. Съ разсвѣтомъ надо быть уже на мѣстѣ. Доброй ночи!

Тунъ-ли улегся у костра, уступивъ намъ фанзу, на теплыхъ канахъ которой мы расположились.

Я не былъ удовлетворенъ рассказомъ старика, — мнѣ хотѣлось узнать судьбу его младшаго сына, и я возлагалъ надежды на завтра.

Впечатлѣнія пережитаго и пережитоваго не давали мнѣ забыть сномъ; все же передъ разсвѣтомъ я немного заснулъ.

Тихій голосъ Тунъ-ли разбудилъ меня. Было еще темно, но на востокѣ уже свѣтлѣло небо и меркли звѣзды.

Заботливый старикъ приготовилъ чай, и, наскоро закусивъ, мы отправились на соседнюю сопку, захвативъ только винтовки и патроны.

Тунъ-ли легко шелъ впереди по тропинкѣ, мы вслѣдъ за нимъ.

Перейдя въ бродъ быструю горную рѣчку, мы поднялись на перевалъ хребта, гдѣ остановились на большой ровной полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ дубовымъ лѣсомъ.

День наступалъ быстро. Разгоралась заря.

Чистый свѣжій воздухъ былъ удивительно прозраченъ, далекіе силуэты горъ синѣли на блѣдно-розовомъ фонѣ утренняго неба.

Было тихо-тихо. Замерли въ торжественномъ спокойствіи величавые пики горъ, смолкли угрюмые лѣса, какъ бы въ благоговѣніи ожидая появленія лучезарнаго свѣтила.

— Вы станьте здѣсь у большого камня, — сказалъ Тунъ-ли, обращаясь къ намъ: — а я пойду вправо и буду реветъ въ трубу. Звѣри должны выйти на поляну.

Затѣмъ старый охотникъ скрылся подъ сводами лѣса.

Мы размѣстились поудобнѣе за камнемъ и ждали появленія изюбровъ.

Солнце еще не взошло, но далекія вершины темно-синяго Цай-лина озарились уже первыми его золотыми лучами. Въ глубокихъ лощинахъ и падахъ царилъ еще мракъ.

По ясному блѣдно-голубому небу неслись бѣлыя съ розовыми окраинами облачка, оторванныя отъ горныхъ вершинъ утреннимъ вѣтеркомъ.

Неожиданно эту торжественную тишину утра нарушили звуки

грознаго рева самца-изюбра, — это трубилъ Тунъ-ли невдалекѣ отъ насъ.

Не успѣли еще умереть эти звуки, какъ на окраинѣ поляны заревѣлъ изюбрь. Голосъ его прозвучалъ рѣзко въ чистомъ морозномъ воздухѣ, горное эхо повторило этотъ звукъ и замерло вдалекѣ. Вначалѣ глухой и низкій, голосъ звѣря все повышался и оборвался тонкими нотами.

Изюбрь былъ близко, ревъ его все усиливался. Тунъ-ли давно уже пересталъ трубить, но раздраженный звѣрь, предполагая противника, вызывалъ его на бой.

Прошло минутъ десять томительнаго ожиданія. Наконецъ на темномъ фонѣ лѣса ясно обрисовалась величественная фигура красавца-изюбра. Онъ шелъ медленно, гордо поднося свою прекрасную голову, украшенную большими вѣтвистыми рогами. Остановился... Тонкія ноздри его раздувались, онъ втягивалъ воздухъ въ свою могучую грудь, стараясь найти соперника. Великолѣпная картина, достойная кисти художника!

— Ваше высокоблагородіе! — услышалъ я возлѣ себя дрожащій голосъ моего товарища: — вотъ лѣвѣе идутъ самки, ихъ шесть штукъ! Стрѣляйте, или я буду стрѣлять!

Разстояніе до звѣрей было шаговъ двѣсти; цѣль видна превосходно; но я не рѣшался стрѣлять въ это царственное животное, обладающее такимъ благородствомъ и красотой! Страсть охотника во мнѣ уступила чувству состраданія. Я опустил винтовку... Въ это время прогремѣлъ выстрѣлъ, и смертельно раненый изюбрь сдѣлалъ послѣдній гигантскій прыжокъ и рухнулъ на землю.

Когда мы подбѣжали къ нему, заднія ноги его еще вздрагивали, но вскорѣ жизнь оставила это, недавно мощное, тѣло.

Передъ нами лежалъ безъ движенія мертвый, но все еще прекрасный гигантъ-изюбрь, сраженный безжалостной рукой жестокаго человека.

Чудные глубокіе глаза его вопросительно смотрѣли на безучастное холодное небо и, казалось, спрашивали: за что? за что?

Солнце поднялось уже надъ далекими горами Кентей-Алина, бросая на насъ свои косые, ослѣпительно-яркіе лучи.

— Чтѣ же до сихъ поръ не приходитъ сюда Тунъ-ли? — спросилъ я своего товарища: — не случилось ли съ нимъ чего-нибудь? Неужели его не интересуетъ результатъ охоты? Не можетъ быть. Это надо разузнать.

— Должно-быть, онъ ушелъ въ свою фанзу за веревками для переноски звѣря! — отвѣтилъ солдатъ, зорко всматриваясь въ чащу лѣса, гдѣ стоялъ Тунъ-ли.

Мнѣ сразу показалось подозрительнымъ отсутствіе старика, но все же я предполагалъ найти его въ фанзѣ. Но тамъ его не было. Мы обыскали все вокругъ; звали его, стрѣляли въ воздухъ изъ винтовокъ, но все напрасно. Старикъ исчезъ. Изслѣдуя фанзу, мы убѣдились, что Тунъ-ли взялъ съ собой свою любимую винтовку-винчестеръ, необходимую одежду и ушелъ, — но куда и зачѣмъ?

Сомнѣній не могло быть: таинственный звѣроловъ Тунъ-ли ушелъ, можетъ-быть, навсегда, изъ этихъ мѣстъ.

Гдѣ найдетъ онъ свою могилу? Когда успокоится мятущаяся душа его?... — вотъ вопросы, которые занимали меня, но до сихъ поръ я ничего не узналъ о немъ. Онъ исчезъ такъ же быстро, какъ появился въ этихъ мѣстахъ. Безпредѣльное море лѣсовъ поглотило его, какъ поглощаетъ песчинку бурный прибой волнъ безбрежнаго океана.

Уставшіе до изнеможенія въ бесплодныхъ поискахъ, сидѣли мы у ярко пылающаго костра, погруженные каждый въ свою думу. Надъ нами въ черно-синемъ небѣ мерцали звѣзды, и вдали на горизонтѣ вспыхивали зарницы. Вой пустыннаго волка доносился изъ глубины мрачнаго ущелья, и по временамъ слышался ревъ изюбра.

Тайга шумѣла, какъ море. Надъ нами въ темной вершинѣ стараго кедра раздавался зловѣщій крикъ филина-пугача.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сынъ Неба.

Рассказъ Д. Мединскаго.

I.

Когда солнце, какъ свѣтлый ликъ Бога, показалось на тронѣ горныхъ вершинъ и подарило ихъ синимъ снѣгамъ теплую позолоту, дьяволъ надменно всталъ передъ нимъ чернымъ кругомъ, подобнымъ солнцу, отбросивъ отъ себя на землю кисейную мантию сумрака.

Не успѣвшія выйти за изгородь куры бросились прятаться отъ неожиданно вернувшейся ночи. Собаки завyli и жалась къ ногамъ пастуховъ. Даже баранта, глупая до безстрашія, сбилась въ пышную, бѣлую кучу и туло топталась на мѣстѣ. Люди притихли и ждали, что громомъ раскатится дьявольскій хохотъ. Треснетъ скала подъ ауломъ. Провалятся сакли...

И вдругъ крикнулъ юный Зелимъ:

— Правовѣрные! Стыдно бояться смерти! Она открываетъ намъ двери въ рай Магомета... Мы не бараны... Съ огнемъ и мечомъ противъ дьявола!

Въ рукахъ у него сизой полоской легла винтовка, и тутъ же отъ нея къ солнцу протянулся кинжаломъ острый огонь. И вздрогнули люди, вздрогнули скалы, и пошелъ по нимъ каменный хохотъ отъ выстрѣла.

На небѣ отъ чернаго круга заструилась кровью полоска свѣта. И скоро солнце побѣдно глядѣло жгучимъ привѣтомъ съ сине-зеленаго неба. Ауль зазвучалъ отъ восторженныхъ криковъ, бляенія, кудахтанья, лая... И скалы сіяли отъ радости, всѣ золотыя, съ сизыми тѣнями...

— Живъ Аллахъ! Слава Пророку! Пусть будетъ вѣчень Зелимъ въ памяти нашей изъ рода въ родъ!

— Онъ правовѣрный... Сынъ Неба... да будетъ муллою!

Зелимъ не ожидалъ, что такъ легко, однимъ выстрѣломъ, онъ прогонитъ затменіе солнца. И задумался, слушая то, что теперь говорили о немъ по аулу, потомъ по Чечнѣ:

— На Зелимъ почилъ рука Пророка!

Винтовка Зелима стала священной. Его упросили поставить ее въ мечети, чтобы правовѣрные могли прикасаться губами и лбомъ къ ея холодной стали, всегда ощущая при этомъ приливъ новыхъ силъ. Къ Зелиму приходили и прѣзжали молодые и старыя горцы. Гордые, они покорно становились въ дверяхъ, долго и молча смотрѣли Зелиму въ глаза, шептали молитвы и, снявъ чевяки, осторожно, неслышно вступали въ саклю, въ цвѣтныхъ узорныхъ чулкахъ, чтобы поцѣловать руку у Сына Неба.

Старая мать Зелима, Фатма, стояла тут же возлѣ него, съ большими глазами, полными восторженнаго изумленія, и принимала дары: барашковъ, хлѣбы, платки изъ тонкаго, какъ паутина, шелка, ковры, будто обрызганные пурпурной кровью джарана, золотомъ рыбьей желчи, снѣгомъ горныхъ вершинъ, синимъ сумракомъ бездонныхъ ущелій... такіе ковры!.. словомъ—все, что приносили поклонники въ саклю Зелима.

II.

Какъ-то ночью, когда Зелимъ лежалъ одинъ на тахтѣ въ своей саклѣ, дверь вопросительно скрипнула, и на порогѣ появилась сосѣдка Гюли.

Зелимъ не узналъ ея. Всегда голубые глаза Гюли теперь показались ему зелеными, какъ соляныя озера. Лицо было блѣдно, какъ мраморъ сѣрыхъ горъ, гдѣ Зелимъ лѣтомъ охотился на круторогихъ туровъ.

— Ты зачѣмъ?—спросилъ юный мулла, чувствуя, что сердце у него сдвинулось и вдругъ заметалось, какъ серна, попавшая въ тѣсный загонъ.

— Мнѣ ничего, Зелимъ... Я пришла услышать голосъ Сына Неба... Мнѣ больше ничего...

Зелимъ никогда не любилъ этой дѣвушки, потому что привыкъ видѣть ее всегда одинокой, далекой и замкнутой, съ холодными опущенными глазами. Лицо Гюли не казалось ему болѣе привлекательнымъ, чѣмъ у другихъ дѣвушекъ, которыя умѣли изъ-подъ чадры обжигать его сердце искрами взгляда, вылетающими словно изъ бурнаго внутренняго костра.

Его удивило теперь, что Гюли одна возлѣ него. Она продолжала стоять и молчала.

— Можетъ-быть, ты пришла къ матери? Она вышла запереть баранту... Подожди!

Въ зеленыхъ глазахъ Гюли вспыхнулъ огонь, щеки зардѣлись румянцемъ, какъ-будто въ саклѣ Зелима вдругъ расцвѣла пышная роза.

— Гюли!—вскрикнулъ въ восторгѣ Зелимъ и подошелъ къ ней. Онъ прежде не видѣлъ ея такой оживленной и яркой.—Гюли!—Юноша взялъ ее за руки.—Отчего ты сегодня... другая... не такая, какой я привыкъ тебя видѣть? какъ-будто не ты?

Дѣвушка сдвинула брови въ одну черту, словно заперла ими готовыя вырваться мысли, вырвала руки свои изъ рукъ Зелима и убѣжала...

Зелимъ остался стоять у порога, возлѣ открытой двери, съ протянутыми руками, которыя онъ долго не опускалъ, продолжая чувствовать въ нихъ теплоту маленькихъ, юркихъ, какъ птички, ручекъ.

Тутъ же въ саклю вошла и Фатма, любящая, испуганная и озабоченная.

— Гюли заходила?—спросила она подозрительно.

— Да, и ушла,—отвѣтилъ глухо Зелимъ, стараясь осилить больные удары сердца.

— Она... къ тебѣ?

— Не знаю, зачѣмъ...

— Она все слѣдитъ за тобой, куда ты ни выйдешь...

— Не замѣчалъ... Она измѣнилась...

— Смотри... колдунья она... Не обошла бы тебя красотой...

Старуха вдругъ подскочила и вскрикнула не своимъ голосомъ:

— Что это?

Зелимъ встрепенулся, какъ коршунъ, разбуженный выстрѣломъ, двинулся весь, сверкая глазами.

— Что ты нашла?

— Не видишь... лента...—Фатма указала на полъ.—Ты здѣсь стоялъ?..

Зелимъ поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ у порога красный лоскутокъ шелка, и вспомнилъ, что онъ стоялъ именно тутъ.

Ноги его ослабли, онъ сѣлъ.

А Фатма взяла изъ камина два черныхъ уголька, ловко подхватила ими красную ленточку, бросила ее на тлѣющій пепелъ и стала раздувать.

Въ пышной сѣдинѣ пепла вспыхнулъ огонекъ цвѣточкомъ мака. Онъ точно обрадовался, что его оживили, быстро принарядился синимъ вѣнкомъ и выпорхнулъ желтенькой змѣйкой, дохнувъ на горбоносое лицо старухи золотомъ свѣта.

— Слава Пророку, что я замѣтила! Брось и чевяки въ огонь... Надѣнь новые!

Зелимъ послушался матери. Сердце его заняло досадой.

— Проклятая!—сказалъ онъ со вздохомъ, смотря, какъ пламя желтыми пальцами скручивало въ трубочку чевяки, чтобы легче ихъ проглотить огненной пастью. Но злобы не было въ этомъ проклятьѣ.

— Мы были нищѣ,—шептала Фатма, стараясь сквозь глаза Зелима заглянуть ему въ душу.—Теперь, слава Богу... и баранта, и платки, и ковры, и почетъ... и все бы пропало отъ дьявольской зависти этой дѣвчонки... Захочетъ—задушитъ тебя дочь сатаны, только поддайся!

Но Зелимъ былъ не въ силахъ забыть Гюли, озаренной внутреннимъ пламенемъ. Она стояла передъ нимъ въ блѣдно-мраморной неподвижности, освѣщенная холодными огнями зеленыхъ глазъ. И вдругъ расцвѣтала, будто двѣ пылкихъ зари цѣловали Гюли въ обѣ щеки.

Зелимъ покраснѣлъ, кровь обожгла ему уши, забила въ виски. Фатма слѣдила за нимъ.

— Что съ тобой? Выпей воды... отъ камня Пророка...

Зелимъ не слышалъ.

И они замолчали.

Каждый былъ сдавленъ своими мыслями. Оба легли на тахту, закутались въ одѣяло, набитое мягкой овечьей шерстью, и, прячась отъ сумрака, прислушивались: Зелимъ—къ своимъ мыслямъ, старуха, стараясь услышать—спитъ ли Зелимъ. Онъ не ворочался. И ей вдругъ представилась Гюли. Она улыбалась ей дерзко прямо въ лицо... Надъ Гюли поднимался дьяволъ, котораго ранилъ Зелимъ: онъ покрывалъ ее чадрой изъ сумрака и нашептывалъ шумомъ рѣки:

— Отомсти! Отомсти!

— Убить ее долженъ Зелимъ!—прошептала старуха. Такое рѣшеніе вошло лучомъ въ ея темную голову, освѣтило хаосъ запутанныхъ ужасомъ мыслей и прозвучало властно, какъ воля Пророка...

— Убить!

Душу старой Фатмы наполнилъ восторгъ, силы окрѣпли, и она окликнула сына:

— Зелимъ! Ты долженъ... слышишь... ты долженъ убить ее!

Зелимъ поднялся съ постели, будто только ждалъ этого оклика, и тоже твердымъ, восторженнымъ голосомъ произнесъ:

— Я, мать, люблю ее!

— Кого, Зелимъ?—Фатма не повѣрила.

— Гюли!

Въ голосѣ сына старая женщина почувствовала волю мужчины, который рѣшилъ, что такъ будетъ, и присмирѣла, какъ подъ ударомъ.

Зелимъ продолжалъ:

— Однажды я ночью стоялъ на скалѣ... я ждалъ круглорогаго, легкаго тура... и засмотрѣлся на звѣзды... Я никогда не видалъ, чтобы онѣ были такъ близки... Раньше онѣ казались мнѣ далекими, очень далекими и холодными... а тогда, на скалѣ, я увидѣлъ ихъ будто живыми... это—глаза дивныхъ гурій... Онѣ обожгли мнѣ сердце... мнѣ страшно было отъ звѣздъ... первый разъ я ихъ испугался и первый разъ захотѣлъ цѣловать ихъ за то, что онѣ, мерцающія огненными рѣсницами, смѣялись и плакали, словно влюбленные дѣвушки... онѣ тянули къ себѣ... Я услышалъ топотъ турьихъ копытъ, но не хотѣлъ и не могъ оторваться отъ звѣздъ... Такъ смотрѣла Гюли.

Зелимъ замолчалъ, но не легъ. Глаза его неподвижно остановились на сѣромъ пятнѣ окна въ черной стѣнѣ.

И вдругъ онъ вздрогнулъ отъ фонтана холодныхъ брызгъ.

— Пусть Пророкъ освѣжитъ твою голову водой изъ родника нашихъ дѣдовъ.

У Зелима на мигъ захватило дыханіе. И вдругъ онъ разсмѣялся громовымъ хохотомъ, такъ что тахта закрипѣла, а Фатмѣ показалось, что стѣны сакли распались, какъ отъ толчка, когда подъ землей иногда ворошится разсерженный дьяволъ.

— Знаешь что!—крикнулъ Зелимъ въ изступленномъ злорадствѣ, какъ и тогда, при затменіи солнца:—я не отдамся безъ боя!.. Я покорю Гюли... Я принесу ее въ саклю Пророка... Она загорится новой звѣздой...

— Живъ Аллахъ!—воскликнула Фатма, возбужденная словами Зелима.—Съ тобой Магометъ!.. Ты побѣдишь!..

III.

А Гюли всю эту ночь плакала, забившись въ сумрачный уголъ, и кулаками что было силъ давила грудь. Она щипала себѣ лицо, кусала руки, чтобы за болью не слышать страданій, которыя росли, какъ гроза.

Съ тѣхъ поръ, какъ сожгли у нея на глазахъ ея мать, Гюли возненавидѣла людей и прокляла небо, потому что оттуда не явился Пророкъ и не сказалъ толпѣ:

„Потушите костеръ. Пяри не колдунья. Это я научилъ ее познавать тайну травъ и кореньевъ. Не оттого хевсуры разбили ночью ауль и увезли вашихъ женъ и сестеръ, что, рыжая Пяри околдовала сердце ихъ хевисбера *),—онъ бросилъ жену, измѣнилъ богамъ, племени и погибъ... Виноваты вы сами... Орлы, которые спятъ на вершинахъ, увѣрены, что, кромѣ молніи и грома, ихъ никто тамъ не потревожитъ... виновато сердце хевсура, которое вспыхнуло и сгорѣло отъ искры, упавшей изъ глазъ кистинки... виновата я, Пророкъ, обронившій звѣзду, которая упала въ ауль и стала женщиной!..“

Все это выплакала Гюли, а ей отвѣчалъ чей-то чужой, но вмѣстѣ знакомый и близкій голосъ. Онъ шорохомъ ночи, гуломъ рѣки вливался ей въ душу:

— Гюли, я полюбилъ тебя, какъ только ощутилъ трепетъ пальцевъ твоихъ въ своей ладони!

— Зелимъ! Зелимъ!—шептала Гюли, и тонкіе пальцы ея опять трепетали, какъ змѣи. Она чувствовала теплоту могучей ладони, и эта теплота проникла въ нее и обезсиливала, какъ зной полдня.

Гюли крѣпко-крѣпко сжимала глаза, и чѣмъ крѣпче сжимала, тѣмъ ярче вставало передъ ней изъ черно-кровоавой бездны лицо Зелима.

Оно горѣло, какъ солнце послѣ побѣды надъ дьяволомъ.

— Зелимъ! Я такъ люблю тебя... такъ люблю. И я давно любила тебя, когда ты не былъ муллою... но тогда я не знала, что

*) Жрецъ ущелья у хевсуръ.

это любовь... я ходила за тобой, как голубая тѣнь... как ходить вслѣдъ за мной душа моей матери... Я молилась только за тебя, молилась тому, кого проклинала, кто не могъ спасти отъ чернаго дыма блестяще-пламенныхъ глазъ огненной женщины... Я молилась ему за тебя, когда ты шелъ подъ хевсурскія пули, потому что я хотѣла вѣрить во все, что щадило тебя отъ смерти... Я просила Аллаха вложить вмѣсто пули въ твою винтовку самую быструю, самую вѣрную изъ его молній... Знаешь, Зелимъ... быть-можетъ, молитва обиженной всѣми Гюли спасла намъ погасшее солнце. Можетъ-быть, ты силенъ, Зелимъ, потому что съ тобою Гюли дышитъ однимъ воздухомъ этихъ горъ... Но и я живу, какъ искра въ волнахъ, пока свѣтишь ты, мое солнце...

Такъ говорила Гюли сама съ собой и не замѣтила, какъ убѣжала ночь, а слѣдомъ за ней шелъ день, который стучался въ окно розовымъ свѣтомъ.

Гюли посмотрѣла на горы. Изъ-за синихъ, словно стальныхъ, острозубчатыхъ высей, предшествуемое облаками, какъ стадомъ золотистыхъ барашковъ, подымалось солнце,—небесный пастухъ, въ папахѣ изъ яркихъ лучей.

— Это Зелимъ!—сказала Гюли на солнце.

И тутъ же голосъ Зелима заставилъ дѣвушку вздрогнуть.

Она скрылась въ углу, гдѣ еще прятались, тая, забытыя ночью сумерки.

Но Зелимъ, войдя въ саклю, сразу увидѣлъ ее, одинокую, блѣдную, какъ туманъ, съ темными, какъ змѣиные норы, глазами.

Она показала ему неподвижно-живой и страшно жутко притягивающей.

— Гюли, — началъ онъ, будто молилъ Бога дать ему жизнь, которой насильно лишили его:—Гюли! Ты должна была слышать удары моего сердца... оно не давало мнѣ спать... оно мutilo мнѣ умъ... но крылья дало утомленнымъ ногамъ, глаза мои свѣтало зрячими, какъ у совы... чтобы видѣть тебя даже сквозь тьму... черезъ стѣны... чтобы прійти къ тебѣ и стонать, какъ ручная овца...

Грудь у Гюли бурно вздрогнула. Тамъ у нея были звонкія струны, и онѣ зазвенѣли страстно-задорнымъ смѣхомъ. Зелимъ испугался... и любовался неволью зелеными искрами пляшущихъ глазъ. Отъ смѣха сползло покрывало съ трепетной груди Гюли, и двѣ тонкія горячія руки жгутомъ захлестнули Зелиму крѣпкую шею, такъ что духъ у него захватило.

— Зелимъ! Зелимъ! — заворожили трепетнымъ шопотомъ губы Гюли. Онѣ лепетали ему прямо въ лицо, близкія, жаркія, красноразлитыя кровью и вдругъ отдалились, остыли.

И снова Зелимъ увидѣлъ Гюли словно каменную.

Онъ всталъ передъ нею на колѣни, усѣлся у ногъ, схватилъ, какъ вчера, ее за руки и сдавленнымъ голосомъ бормоталъ:

— Ты не любишь меня!

Гюли молчала.

— Свѣтлѣйшая изъ гурій, радость изъ радостей... Сильный и смѣлый молитъ тебя!

Гюли молчала, какъ мраморъ.

— Вотъ кинжалъ... убей меня!..

Глаза у Гюли стали узкими, длинными и задрожали, заколыхались, какъ два обезпокоенныхъ бурей зеленыхъ озера. А по щекамъ ея скользнули, быстро спадая одна за другой, влажныя звѣздочки.

Передъ Зелимомъ стала загадка. Будто ночь опять вернулась поспорить съ солнцемъ.

— Уйди!—тихо сказала Гюли.

Зелимъ постоялъ, низко склонился и вышелъ...

IV.

Фатма испугалась, когда, проснувшись съ восходомъ солнца, увидѣла, что сына нѣтъ. И какъ онъ всталъ и ушелъ, что она не слыхала? Долго ожидала его старая мать, боясь выйти изъ сакли. Ей казалось, что вмѣстѣ съ Зелимомъ къ ней въ домъ войдетъ что-то страшное и невѣдомое. И грезилась ей змѣя изъ Муганскихъ степей *). Когда вернулся Зелимъ, она хотѣла спросить у него, гдѣ онъ былъ, но только вздохнула, и въ этомъ вздохѣ кто-то другой ясно сказалъ ей: Гюли!

Сердце старухи сжалось отъ этого звука, пришибленное, оскорбленное...

Зелимъ тоже замолчалъ... И весь слѣдующій день оба они работали, тихіе, одинокіе, съ замкнутой бурей въ душахъ...

V.

Опять въ кисейной чадрѣ спустилась синяя ночь и тысячею огненныхъ глазъ впиалась въ потемнѣвшую землю... Подъ взглядомъ неба замерли скалы, словно орлы, не успѣвшіе свѣтать воздушнаго взмаха. Замеръ ауль, будто въ немъ подъ плоскими крышами съ давнихъ временъ не горѣли огни, не горѣли глаза. Поле покорно лежало между скалами, словно коверъ въ каменныхъ пяльцахъ. Небо склонилось надъ нимъ и вышивало цвѣтами.

Фатма и Зелимъ давно улеглись, но не спали. Въ окно смѣялась молнія. Изрѣдка похотывалъ громъ.

Кровь изъ груди бросалась старухѣ въ голову. Больше она не въ силахъ была молчать и закричала, какъ старое дерево, больнымъ, озлобленнымъ стономъ:

— Сердце твое отравлено, Зелимъ!—глухо сказала Фатма. Зелиму показалось, что ночь притихла, уже не смѣялась, насторожилась и слушала.—Ты подошелъ къ краю бездны, какъ пьяный,

и хочешь упасть... потому что рѣка зоветъ тебя пляской и пѣней, какъ жадная женщина... Дразнить тебя, играя блескомъ зеленыхъ глазъ... манить задушить тебя въ гибкихъ объятіяхъ... Падай, Зелимъ! Падай, Сынъ Неба, если оглохъ и ослѣпъ отъ яда змѣи, если не слышишь грома, не видишь молній, которыми Богъ написалъ для избранныхъ, въ синемъ Коранѣ, усѣянномъ звѣздами, волю свою.

Зелимъ поднялся, усѣлся, согнувшись, какъ старый пастухъ, который поднялся слишкомъ высоко въ гору, и круглыми глазами неподвижно глядѣлъ на поднятую руку матери, будто она указала ему забытую страшную заповѣдь...

Въ темныхъ глазахъ у него не было свѣта, не было мысли, была тоска...

— Сынъ мой, рожденный безстрашнымъ отцомъ! — тише, нѣжно сказала Фатма, стараясь ласкать голосомъ сына. — Ты возвратилъ мнѣ жизнь... Ты поднялъ меня, когда я утопала въ слезахъ... Ты обратилъ мой взоръ къ солнцу, которое я разучилась видѣть, смотря въ могилу, куда ушелъ твой отецъ... Я хотѣла уйти вслѣдъ за нимъ... но увидала тебя... мнѣ показалось, что живъ мой Кяримъ... что Пяри не украли его!..

Фатма помолчала... и ночь задрожала подавленнымъ рыданьемъ...

Зелимъ застоналъ, будто перевернули тяжело больного.

— Что, сынъ мой? — встрепенулась старуха, глотая слезы. — Я вѣдь хочу одного: чтобы ты жилъ... Безъ солнца нѣтъ свѣта... безъ милости Бога нѣтъ радости... Если для счастья тебѣ нужны мои послѣдніе дни—я отдамъ ихъ тебѣ, какъ связку засохшихъ цвѣтовъ... я брошу ихъ тебѣ подъ ноги... Зачѣмъ въ этихъ цвѣтахъ притаилась змѣя?

Зелимъ какъ-то вскинулся.

— Мать! — прозвучалъ его голосъ, свѣтлый и ясный: — я не боюсь, когда лошадь скользитъ копытомъ по краю пропасти... Срываются камни и падаютъ въ кручу, вертятся, какъ срубленные головы... мнѣ долго слышится ихъ умирающій шопотъ и стонъ... и сердце мое тоже словно срывается и летитъ вслѣдъ за ними... а мнѣ такъ пріятно... Хочется вырвать крылья у ястреба и плавно кружиться надъ бездной, танцуя... Внизу, въ глубинѣ волны, бьютъ въ бубны и пляшутъ, сверкая серебряной чадрой... Такъ хорошо... А вотъ вчера мнѣ приснилось, что я стою на широкомъ утесѣ... и этотъ каменный полъ вдругъ, какъ сѣдло подъ бѣшеной лошадей, вздрогнулъ... и поплылъ словно легкое облако... Я испугался... И такъ былъ радъ, когда закричала тахта... Какъ будто это заплѣла влюбленная дѣвушка...

Фатма засмѣялась. И у Зелима вспыхнули бѣлые зубы жемчугомъ въ тонкой оправѣ коралловыхъ губъ. Старуха прильнула холодными губами къ пылающему лицу джигита, проводила дрожащими пальцами по глазамъ и ласково шептала:

— Ну, спи... Въ улыбку твоей свѣтится милость Пророка!

Зелимъ и Фатма уснули крѣпкимъ, дружескимъ сномъ.

VI.

Опять погасли цвѣты. Опять загорѣлись, заискрились звѣзды въ синей небесной выси. Тихая ночь укуталась чадрой кисейныхъ тѣней, припала къ блѣднымъ скаламъ, стоящимъ, какъ на молитвѣ бѣлыя женщины, и колдовала.

На гладкой стѣнѣ отвѣснаго камня, смотрящаго въ пропасть, появлялась одна за другой черныя буквы. Уголь скрипѣлъ, съ хрустѣньемъ крошился и взвизгивалъ...

Тонкую, блѣдную руку, писавшую буквы, не отдѣлить бы отъ камня, если бъ проворная тѣнь, мелькавшая вслѣдъ за рукой, не выдѣляла ее. Надъ пропастью вздрагивала и качалась кудрявая вѣтка дуба, а надъ нею, какъ ночная богиня высотъ, сидѣла Гюли, въ черкесскѣ, туго перетянутая ремнемъ и обхваченная веревкой за талию. Другимъ своимъ концомъ веревка была на скалѣ. То и дѣло, натягиваясь, она вздрагивала, какъ струна. Надъ дѣвушкой носились со свистомъ летучія мыши, которыхъ пугали зыбкія волны пышныхъ волосъ, падавшихъ въ бездну, и блескъ напряженно-открытыхъ зеленыхъ глазъ.

Гюли не слыхала рѣки, которая то затихала, будто отбѣгая въ пьяномъ бѣшеномъ танцѣ, то словно приближалась, звонко гремя водопадомъ, влажно плескаясь широкимъ шумомъ.

Откуда-то падалъ отрывистый лай... что-то тоскливо взвизгивало, выло и обрывалось и замирало.

Но Гюли не слыхала. Она перестала писать и смотрѣла на небо. И вдругъ ей показалось, что небо внизу, и она плыветъ одиноко надъ звѣздами, а подъ нею проходитъ грозовая туча, съ зловѣщимъ загадочнымъ ревомъ. Въ глазахъ у нея потемнѣло, заныло въ груди тошной болью. Гюли вздрогнула, инстинктивно схватилась за вѣтку, выгнула станъ и лбомъ припала къ выступу камня.

Мыши, какъ черныя крестики, неуловимо чертили синеву неба. Одна вдругъ прилипла къ скалѣ мертвой кляксой и поползла, сухо шурша, къ головѣ дѣвушки.

Гюли вскинула голову. Холодъ скалы вернулъ ей разсудокъ.

Она ухватила веревку и этимъ движеніемъ вспугнула крылатую мышъ, легко и быстро скользнула наверхъ, мелькнувъ длинной тѣнью по камню, и очутилась на немъ. Тамъ, на скалѣ, она развязала веревку, подправила волосы подъ папаху, подняла винтовку и неслышно ушла кукурузой въ ауль, гдѣ тоскливо выла собака.

*) По преданію, Муганскія степи кишатъ чудовищными ядовитыми змѣями.

Способность рыбъ измѣнять свою окраску.

(Съ 10 рис. на этой стр.).

Измѣнчивость цвѣта хамелеона настолько общезвѣстна, что вошла въ поговорку. Быть-можетъ, не всѣмъ извѣстно, что эта измѣнчивость представляется довольно распространенной въ животномъ царствѣ. Самымъ простымъ и легко наблюдаемымъ при-

мѣромъ можетъ служить обыкновенная лягушка. Если лягушку держать въ желтомъ, то ея кожа становится желтой, и, наоборотъ, если подвергнуть дѣйствию свѣта, то лягушка становится свѣтлой. Эта способность измѣнять свой цвѣтъ зависитъ отъ присут-

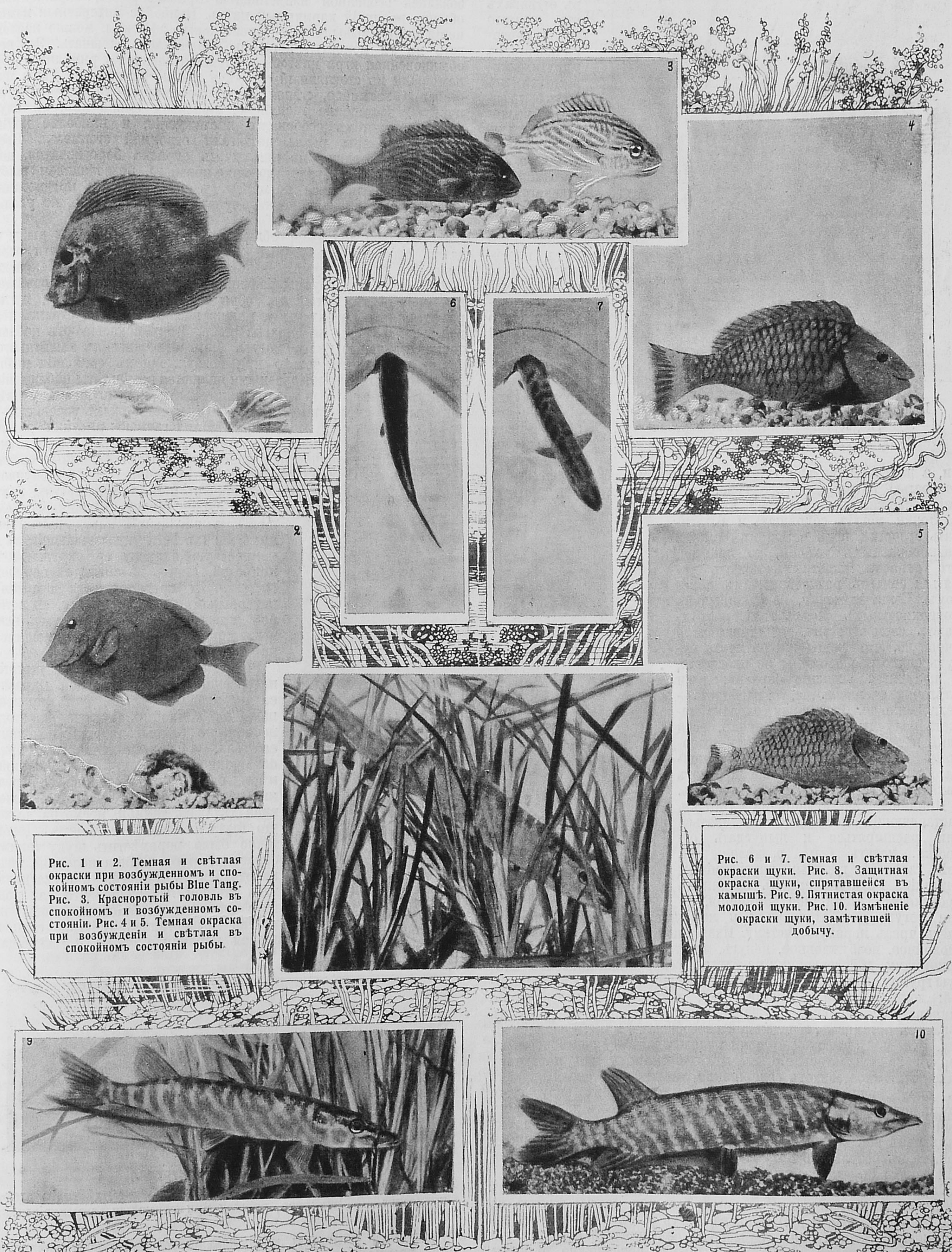

Рис. 1 и 2. Темная и свѣтлая окраски при возбужденномъ и спокойномъ состояннн рыбы Blue Tang. Рис. 3. Красноротый головль въ спокойномъ и возбужденномъ состояннн. Рис. 4 и 5. Темная окраска при возбужденнн и свѣтлая въ спокойномъ состояннн рыбы.

Рис. 6 и 7. Темная и свѣтлая окраски шуки. Рис. 8. Защитная окраска шуки, спрятавшейся въ камышѣ. Рис. 9. Пятнистая окраска молодой шуки. Рис. 10. Измѣненнн окраски шуки, замѣтившей добычу.

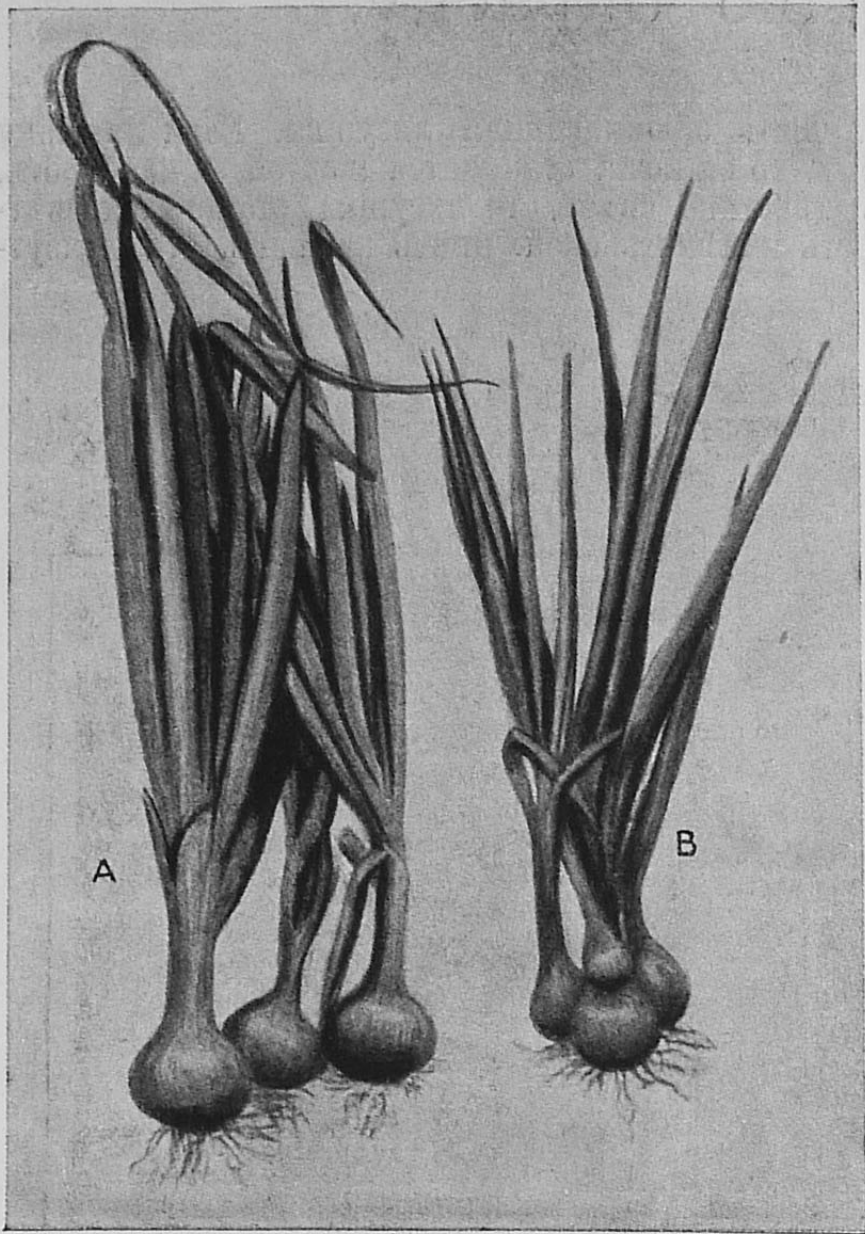

Рис. 1. Дѣйствіе электричества на растенія.
А—Лукъ, подвергавшійся дѣйствию электричества.
В—Лукъ, росшій при нормальныхъ условіяхъ.

ни, а находятся внутри клѣточекъ организма, обладающихъ способностью расширять свое тѣло, вытягивая отростки, или же снова съеживаться, втягивая въ себя всѣ отростки. Такъ какъ клѣточки могутъ сокращать и вытягивать отростки подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій, то понятно, что окраска животныхъ можетъ мѣняться самымъ разнообразнымъ образомъ. Когда клѣточки, находящіяся въ поверхностныхъ слояхъ тѣла, вытягиваютъ свои отростки, расширяются, то очевидно, что зернышки пигмента будутъ болѣе расположены по плоскости, и получится усиленіе окраски; если клѣточки съеживаются, то, наоборотъ—ослабленіе ея. Различная окраска можетъ получиться въ томъ случаѣ, если однѣ и тѣ же клѣточки будутъ содержать зернышки различно окрашеннаго пигмента, или же таковой будетъ находиться въ различныхъ клѣточкахъ.

Причины, дѣйствующія на клѣточки, заставляющія послѣднія съеживаться или расширяться и выпускать отростки, могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: внутреннія и внѣшнія. Если въ самомъ организмѣ происходятъ какія-либо измѣненія, то они могутъ уже отражаться и на состояніи клѣтокъ, передаваясь чрезъ нервную систему. Извѣстныя состоянія организма—спокойное, возбужденное, испугъ, ярость и т. д.—будутъ служить причинами, дѣйствующими на клѣтки, содержащія пигментъ. Вторую группу составляютъ различныя измѣненія окружающихъ условій: появленіе или исчезаніе свѣта, пониженіе или повышеніе температуры, окраска окружающихъ предметовъ и т. д. Такимъ образомъ организмъ, обладающій способностью мѣнять свою окраску, можетъ въ высокой степени использовать эту способность въ борьбѣ за существованіе въ цѣляхъ защиты или нападенія. Такое животное можетъ совершенно сливаться по своей окраскѣ съ окружающими предметами и становится въ силу этого почти невидимымъ. Понятно, что такая способность даетъ огромный перевѣсъ организму предъ другими, не обладающими ею. Такъ какъ всѣ клѣтки съ пигментомъ связаны съ нервной системой, то въ результатъ получается сложный механизмъ, работающій однако съ удивительной точностью.

Способностью измѣнять свой цвѣтъ обладаютъ многія рыбы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя болѣею частью живутъ на днѣ (камбала, соль и др.) Окраска этихъ рыбъ находится въ зависимости отъ цвѣта дна, и рыбы въ большинствѣ случаевъ настолько подражаютъ цвѣту дна, что ихъ невозможно отличить

отъ окружающаго песка или гравія. Лишь незначительныя движенія, которыя дѣлаютъ время отъ времени рыбы, могутъ выдать ея присутствіе. Въ отношеніи измѣнчивости окраски камбалы можетъ быть сравнена съ хамелеономъ и мѣняетъ свои цвѣта, начиная отъ бѣлаго до сѣраго, съ удивительной точностью воспроизводя всѣ оттѣнки цвѣта дна, на которомъ она располагается.

Изъ рыбъ, мѣняющихъ свою окраску, у древнихъ римлянъ пользовались особенной извѣстностью краснородки, окрашенныя обычно въ яркій карминный цвѣтъ. Наболѣе интересныя измѣненія цвѣта, вызывающія удивительные эффекты, можно наблюдать въ тѣ моменты, когда рыба начинаетъ засыпать. Эта необыкновенная игра цвѣтовъ и служила забавой у римлянъ. Рыбу помещали въ стеклянный сосудъ и плотно закрывали. Рыба постепенно засыпала, мѣняя свою карминную окраску на пурпурную, постепенно гаснущую. Красивая смѣна цвѣтовъ служила предметомъ особеннаго наслажденія, и наболѣе крупныя экземпляры рыбы достигали огромной стоимости. Всевозможныя оттѣнки цвѣтовъ даетъ окраска бородавчатки, начиная отъ грязно-бураго до ярко-краснаго, позволяющая рыбѣ совершенно сливаться по цвѣту съ окружающими предметами, быть незамѣтной и наносить чрезвычайно болѣзненные уколы шипами.

Измѣнчивой окраской обладаютъ многія тропическія рыбы и даютъ особенно интересныя наблюденія, въ особенности если находятся въ акваріумѣ. Эксперименты съ измѣненіями окраски могутъ быть варьируемы различнымъ образомъ. Мѣняя освѣщеніе, перемѣняя матеріалъ, образующій дно акваріума, пугая различнымъ образомъ рыбу, можно наблюдать, какъ отражаются всѣ эти перемѣны на окраскѣ рыбъ. Какъ показываютъ наблюденія, отдѣльныя цвѣта могутъ быть отнесены къ защитнымъ, другіе появляются только при возбужденномъ состояніи рыбы и т. д. Чрезвычайно интересными являются результаты наблюденія въ томъ случаѣ, когда удается залечатлѣть красивую смѣну цвѣтовъ рыбы,—смѣну, вызванную при искусственныхъ условіяхъ,—на фотографической пластинкѣ. Прилагаемые рисунки даютъ понятіе о томъ разнообразіи цвѣтовъ, которыми обладаютъ не только рыбы тропическихъ морей, но и болѣе скромные обитатели рѣкъ и озеръ. Очевидно, что способность къ измѣнчивой окраскѣ имѣетъ важное значеніе въ животномъ царствѣ, какъ цѣнное средство въ борьбѣ за существованіе. Сложный механизмъ, управляющій передачей внѣшнихъ впечатлѣній и вызывающій гармоническую окраску съ окружающей природой, стоитъ въ связи съ нервной системой и представляется особенно интереснымъ по той точности, съ которой животное можетъ подражать всевозможнымъ оттѣнкамъ, встречающимся при различныхъ условіяхъ.

Рис. 1 и 2 показываютъ результаты интереснаго опыта съ щукой. Окраска ея по желанію могла быть превращена изъ темной въ свѣтлую. Для этого поочередно закрывали одну половину ея тѣла, а другая оставалась ярко освѣщенной солнцемъ. Если, напримеръ, были закрыты голова и передняя часть туловища, то задняя половина дѣлалась темной, несмотря на то, что была освѣщена солнцемъ. Достаточно было перемѣстить щуку такимъ образомъ, чтобы задняя половина тѣла находилась въ темнотѣ,—и щука дѣлалась свѣтлой. Очевидно, что для полнаго эффекта необходимо, чтобы не только однѣ пигментныя клѣтки подвергались дѣйствию солнечныхъ лучей, но и центральная нервная система, посылающая

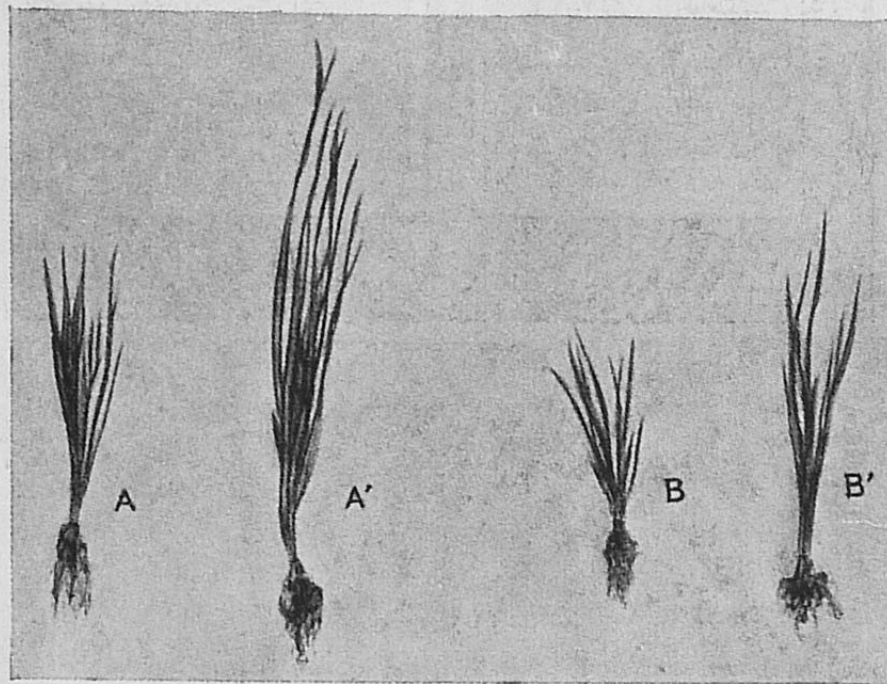

Рис. 2. Пшеница въ различныхъ стадіяхъ развитія.
А—молодое растеніе электризованное, В—растеніе въ томъ же возрастѣ, не электризованное, А' и В'—тѣ же растенія въ болѣе поздней стадіи развитія.

опредѣленные импульсы, возбуждалась бы свѣтовыми впечатлѣніями, получаемыми чрезъ органы зрѣнія.

Рис. 3. Культуры кукурузы.

А—Кукуруза, подвергавшаяся въ теченіе 25 дней дѣйствию электричества. В—кукуруза, росшая при нормальныхъ условіяхъ.

самъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Чтò оставилъ послѣ себя русскому читателю этотъ безвременно и трагически угасшій писатель?

Цѣлый рядъ бытовыхъ и жанровыхъ очерковъ, художественно законченныхъ и удивительно цѣлостныхъ („Нравы Растеряевой улицы“, „Растеряевскіе типы и сцены“, отдѣльные рассказы: „Простое слово“, „На минутку“, „Обстановочка“ и многіе другіе) и еще бòльшее количество бытовыхъ полурассказовъ-полупублицистическихъ статей по вопросамъ крестьянскаго и мѣщанскаго обихода, этихъ характерныхъ для Г. И. Успенскаго произведеній, въ которыхъ такъ странно и причудливо смѣшивались великолѣпно наблюденныя и переданныя сцены жизни и живые типы, съ страстными разсужденіями автора и съ его выводами. Этотъ второй типъ произведеній Успенскаго преобладалъ въ его творчествѣ, и въ нихъ-то съ наибольшей яркостью и сказалось его болѣзненно-страстное исканіе правды и „выпрямленія“. Читая его произведенія, ясно видишь все эти метанія тоскующаго духа. Недаромъ Г. И. Успенскій въ теченіе своей жизни (по крайней мѣрѣ въ сознательномъ и творческомъ ея періодѣ) исколесилъ всю Россію, побывалъ и за границей и всюду собиралъ тотъ страшный матеріалъ для своего творчества, который не давалъ ему покоя ни днемъ ни ночью и, по всей вѣроятности, приблизилъ его къ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ и къ трагическому безвременному концу какъ писателя, такъ и человѣка.

Произведенія Г. И. Успенскаго хорошо знакомы русскому читателю (и въ особенности читателю нашего журнала), и поэтому мы считаемъ излишнимъ характеризовать его, какъ писателя и излагать его біографію. Но по поводу десятилѣтія со дня его кончины хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ объ этой трагической кончинѣ, которая завершила собою страстную борьбу съ вѣчно мучившимъ Г. И. Успенскаго „злымъ началомъ“.

Душевное нездоровье начало проявляться у писателя еще въ 1885 году. Онъ и самъ сознавалъ, что съ нимъ должно случиться что-то страшное, и говорилъ своимъ друзьямъ (въ одномъ изъ своихъ писемъ): „Право, я иногда думаю, какъ бы мнѣ не сойти съ ума, что со мной вообще ужасно худо, необычайно худо“... Тяжелое впечатлѣніе почти совершенно больного человѣка онъ производилъ и на постороннихъ людей. А въ 1891 году онъ уже писалъ (по поводу своихъ произведеній): „Все, чтò писалось съ 1888 года, писалось въ ужаснѣйшихъ условіяхъ, въ душевномъ разстройствѣ, не предвѣщающемъ ничего, кромѣ гибели“... Наконецъ въ этомъ же 1891 году болѣзнь Г. И. Успенскаго опредѣлилась съ очевидностью, и послѣднимъ толчкомъ въ ея развитіи былъ *голотъ*, захватившій 20 губерній. Это народное бѣдствіе потрясло писателя, всю жизнь болѣвшаго душой о народѣ, и его организмъ не выдержалъ этого потрясенія. Г. И. сталъ страдать галлюцинаціями. А въ слѣдующемъ, 1892 году онъ уже былъ помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу д-ра Фрея въ Петербургѣ, откуда въ томъ же году былъ переведенъ въ Колмовскую психіатрическую больницу новгородскаго земства.

Въ 1893 году въ „Русскомъ Богатствѣ“ былъ помѣщенъ послѣдній рассказъ Г. И. Успенскаго „Подкидышъ“. Это была его лебединая пѣсня. Съ этого времени Успенскаго, какъ писателя, не стало.

Въ первое время, впрочемъ, болѣзненное состояніе смѣнялось непродолжительными свѣтлыми промежутками. И хотя Г. И. уже ничего не писалъ и не печаталъ въ это время, но еще могъ принимать участіе въ общей интеллектуальной жизни. Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ даже совершилъ въ сопровожденіи сына свое послѣднее путешествіе по Волгѣ и побывалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ у В. Г. Корсленко. Послѣ того онъ былъ снова помѣщенъ въ больницу, — на этотъ разъ уже окончательно и безвыходно, и для него началась долгая, мучительная, полная страшныхъ видѣній, духовная ночь съ короткими промежутками просвѣтленія, не менѣе мучительными...

Въ Колмовской лѣчебницѣ Г. И. Успенскій находился подъ наблюденіемъ извѣстнаго врача-психіатра д-ра Синани, который описалъ въ особомъ дневникѣ весьма обстоятельно всю болѣзнь писателя и формулировалъ все его болѣзненные видѣнія и идеи. Нельзя не упомянуть объ этихъ бредовыхъ идеяхъ, наполнявшихъ больную душу Г. И. Успенскаго, — такъ они характерны для него и такъ символичны...

Даже и въ этой темной и безпросвѣтной духовной ночи Г. И. Успенскій продолжалъ вести борьбу съ темнымъ и злымъ началомъ жизни и мучительно изнывалъ въ этой борьбѣ. „Съ самаго заболѣванія Глѣба Ивановича, — говоритъ д-ръ Синани: — въ его сознаниіи идетъ борьба между двумя началами: началомъ справедливости и началомъ, противоположнымъ первому. Ему кажется, что его „я“ раздвоено и состоитъ изъ двухъ личностей, борющихся другъ съ другомъ. Первая личность, это — Глѣбъ (Успенскій). Вторая личность, это — Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Но какъ ни борется „Глѣбъ“, однако ему очень трудно не только уничтожить „Ивановича“, но даже устоять противъ власти его. Случалось, что „Глѣбъ“ какъ-будто отвоевывалъ свое существованіе, но это ему удавалось не надолго. „Ивановичъ“ снова вторгался въ его область, пренебрегая всякими уговорами, всякими условными компромиссами, часто разрушая ихъ, и заполняя „Глѣба“...“

„Иногда больному писателю являлись какіе-то свѣтлые, созданные его фантазіей, образы — ангелы и „монахиня Маргарита“. Случалось, что эти свѣтлые образы отставали „Глѣба“, но потомъ все опять рушилось, и „Ивановичъ“ снова вступалъ во владѣніе личностью Г. И. Успенскаго. И когда наступалъ моментъ

торжества этого злого начала, то безумный писатель облекался въ своею воображеніи въ звѣриное естество, казался себѣ какимъ-то ужаснымъ и отвратительнымъ животнымъ...“

Въ этой безумной борьбѣ съ искорененіемъ злого начала прошла вся остальная жизнь Глѣба Ивановича Успенскаго. Прожилъ онъ послѣ своей гибели для литературы и сознательной жизни сравнительно долго — около десяти лѣтъ. 18 марта 1900 года онъ былъ перевезенъ изъ Колмовской больницы въ Спб. городскую Ново-знаменскую больницу, къ д-ру Реформатскому. Здѣсь онъ и скончался черезъ два года, 24 марта 1902 года.

Хоронили Г. И. Успенскаго въ сумрачный и дождливый петербургскій день. За его гробомъ шла тысячная толпа. Похороненъ онъ на Волковомъ кладбищѣ, на Литераторскихъ мосткахъ, недалеко отъ могилъ Надсона, Шелгунова и Костомарова...

И думается и вѣрится, что къ его могилѣ не зарастетъ тропа... И та любовь, которой онъ служилъ всю свою страдальческую жизнь и которая свѣтитъ съ каждой страницы его выстрадавшихъ и проникнутыхъ томленіемъ духа писаній, сохранить его навсегда въ сердцѣ и памяти интеллигентной Россіи...

Русскіе военные автомобили въ Персіи.

(Съ 5 рис. на стр. 303).

Недавнія трагическія событія въ Персіи вызвали, какъ извѣстно, вмѣшательство русской военной силы. Въ декабрѣ истекшаго года въ Персію были двинуты наши военные отряды, и, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, тамъ, въ странѣ „Льва и Солнца“, разыгралось что-то въ родѣ „маленькой войны“, въ которой однако съ нашей стороны были и убитые, и раненые, и замученные.

Въ этой маленькой войнѣ впервые были примѣнены для военныхъ надобностей автомобили въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ сообщенія.

Автомобилемъ впервые пришлось работать въ военныхъ условіяхъ и притомъ въ обстановкѣ почти полнаго бездорожья, въ полудикой странѣ, изобилующей горами и стремнинами. И надо отдать справедливость автомобилю: онъ съ честью выдержалъ это военное испытаніе подъ руководствомъ умѣлыхъ и безстрашныхъ военныхъ автомобилистовъ.

Въ концѣ прошлаго, 1911 года была сформирована учебная автомобильная рота. Автомобильный взводъ этой роты и былъ командированъ 22 декабря упомянутаго года въ Персію.

Автомобили выѣхали изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, на открытыхъ платформахъ. Путешествіе до персидской границы протекло совершенно благополучно и очень быстро. На Кавказѣ взводъ автомобилей былъ раздѣленъ штабомъ кавказскаго военного округа на два отдѣленія, на одно изъ этихъ отдѣленій (подъ командой штабсъ-капитана Вредена) была возложена задача установить сообщеніе между Джульфой и Тавризомъ. Второму отдѣленію, которымъ командовалъ поручикъ Мгебровъ, было поручено установить сообщеніе отъ Энзели черезъ Рештъ и Казвинъ до Тегерана.

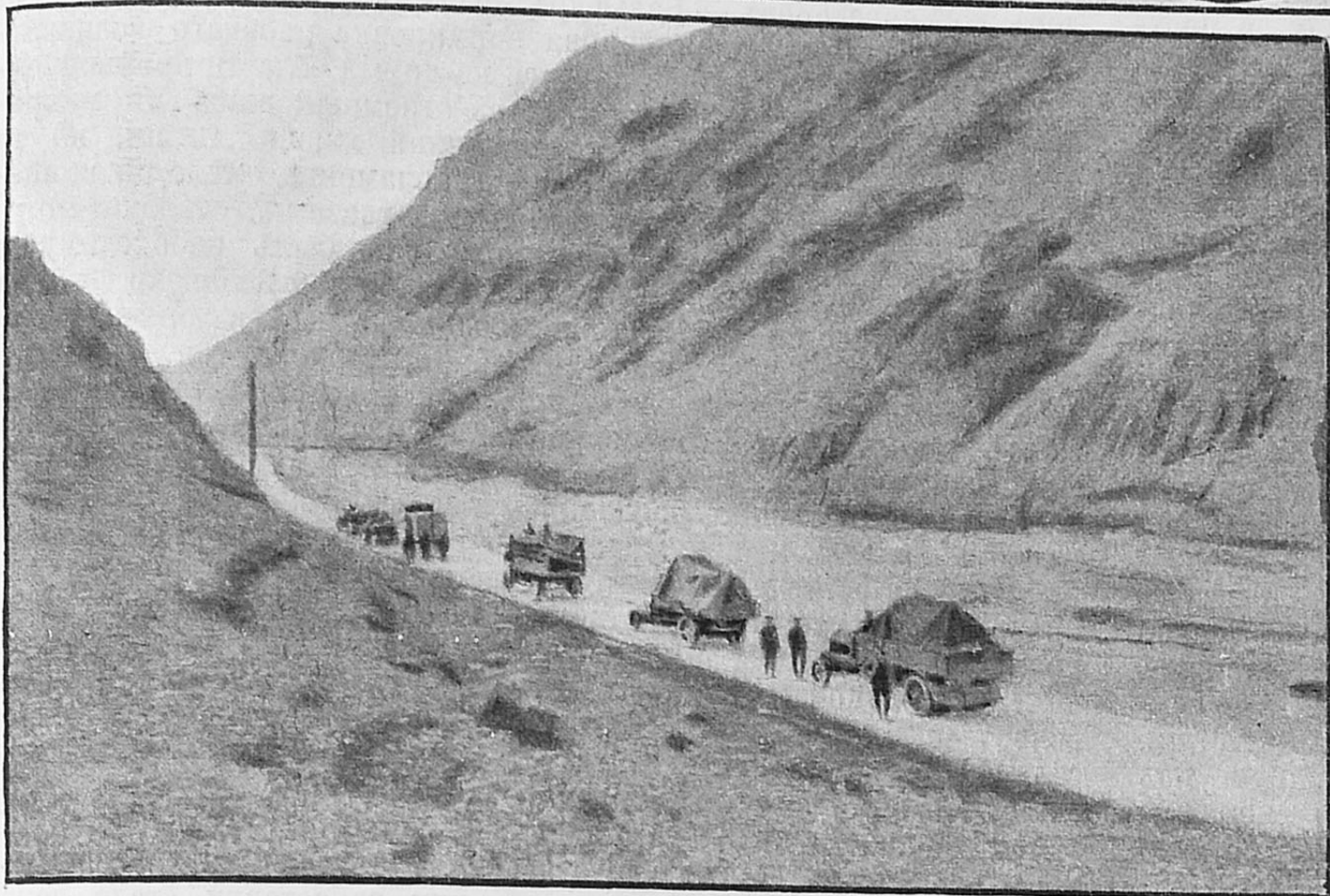
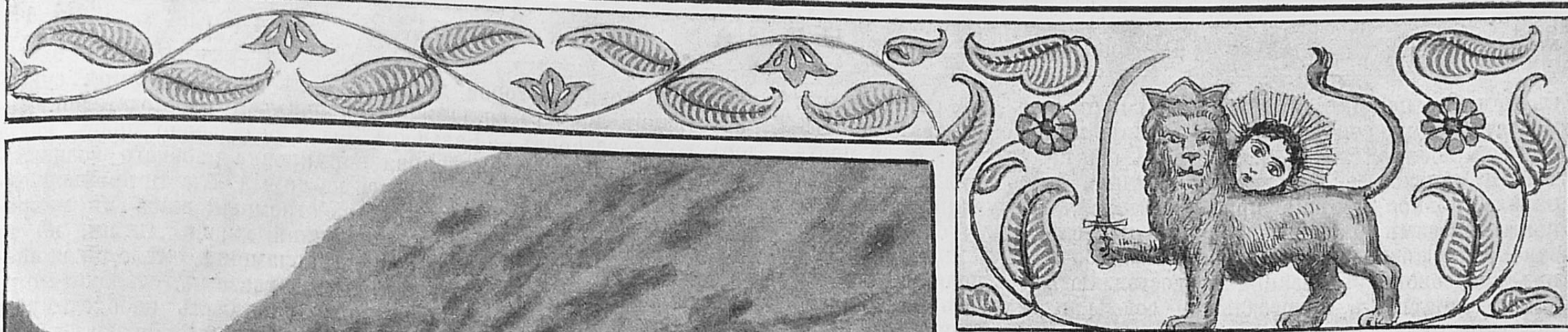
Объ эти задачи были блестяще выполнены автомобильнымъ отрядомъ. Автомобили оказали незамѣнимыя услуги нашему персидскому отряду, дѣлая ежедневно пробѣги по 130—150 верстъ по такой мѣстности и въ такой обстановкѣ, гдѣ до этого времени приходилось пользоваться только мулами и верблюдами и ихъ черепашей скоростью. Даже крутые горные подъемы не останавливали смѣлыхъ автомобилистовъ.

Воспроизводимые въ настоящемъ № нашего журнала фотографическіе снимки изображаютъ виды города Хоя и нѣкоторые изъ дорожныхъ пейзажей той мѣстности, въ которой пришлось оперировать нашему автомобильному отряду. Свообразныя картины природы и персидскаго быта, залитыя солнцемъ пустыни и полусожженные зноемъ маленькіе оазисы — вотъ тѣ воспоминанія изъ этой „военной прогулки“, которыя увѣковѣчены на этихъ снимкахъ...

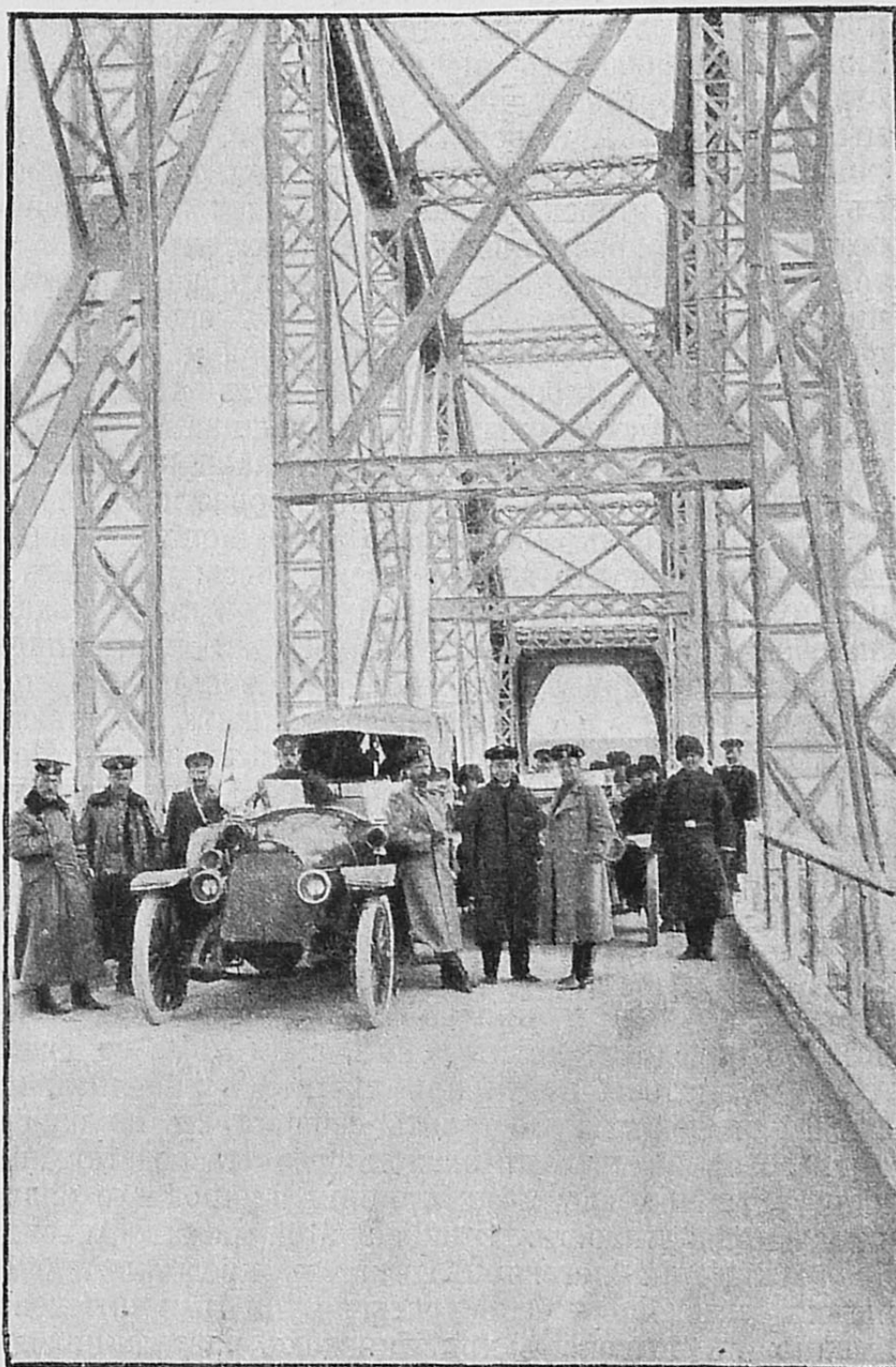
Англійскій законъ о минимальной рабочей платѣ.

(Политическое обозрѣніе).

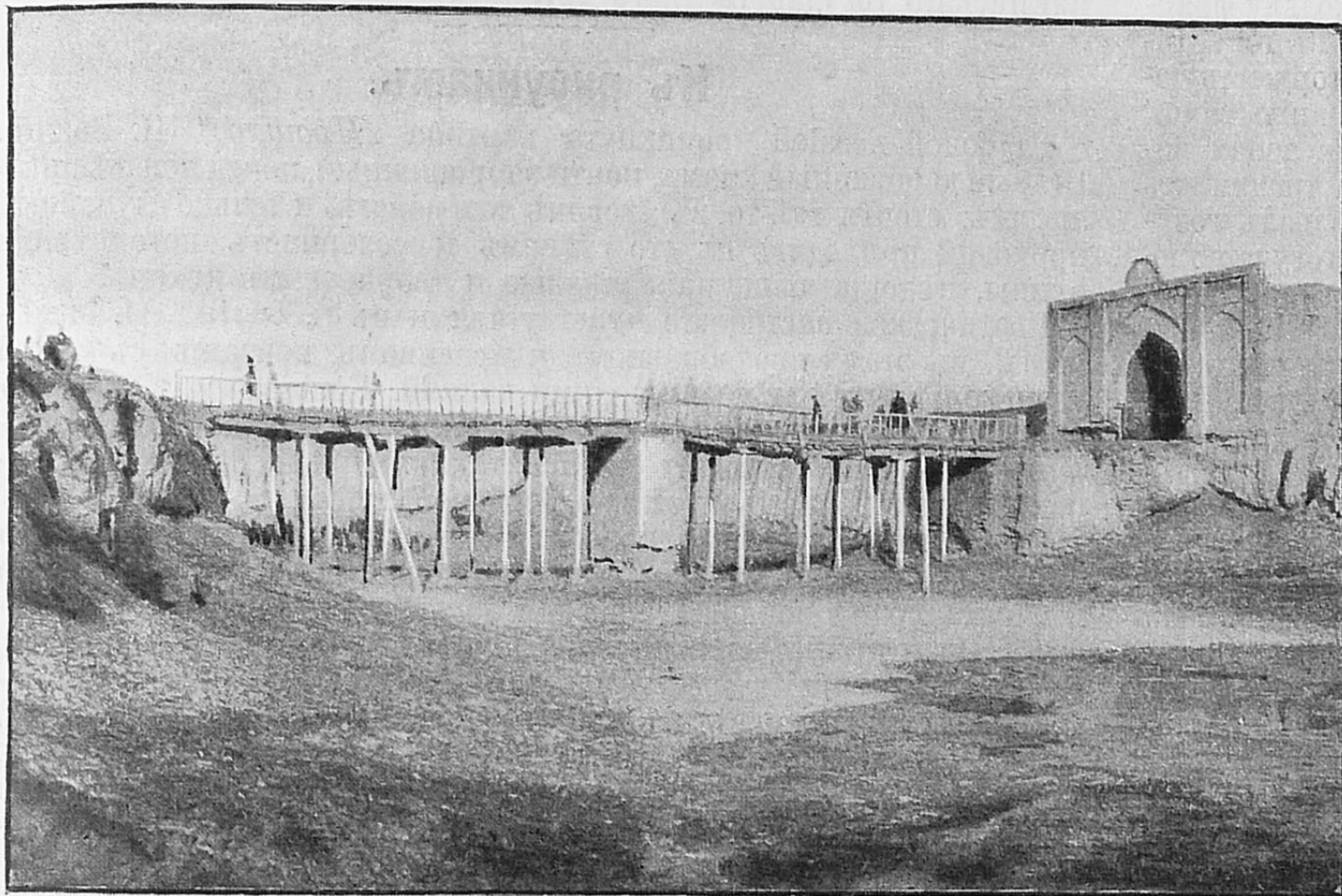
Угольная забастовка въ Англии, вызвавшая глубокое потрясеніе всей ея хозяйственной жизни и получившая громкій откликъ на материкѣ, окончилась блестящею побѣдой передовой государственности надъ анархіей. Въ то время, какъ несравненно меньшая по размѣрамъ и значенію угольная забастовка въ Германіи закончилась кровавыми столкновениями населенія съ полиціей и сопровождалась сценами дикаго насилія, англійская забастовка, приведшая къ весьма важному соціальному завоеванію, прошла буквально безъ пролитія единой капли крови. Сравнивая ходъ и исходъ внутренней междуклассовой борьбы и роль правительства въ той и другой странѣ, начинаешь высоко цѣнить тѣ преимущества, которыя даютъ государству въ переживаніи самыхъ тяжелыхъ соціальныхъ кризисовъ традиціи свободы и культуры. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза огромная разница классоваго самочувствія рабочихъ по отношенію къ государству въ Англии и на континентѣ. Въ Германіи, во Франціи и пр. рабочіе — какіе-то илоты государственности. Буржуазное государство ими пользуется, потому что не можетъ безъ нихъ обойтись, но относится къ нимъ съ опаской и на всякій случай всегда держитъ наготовѣ самыя жестокія мѣры укрощенія, а рабочіе относятся

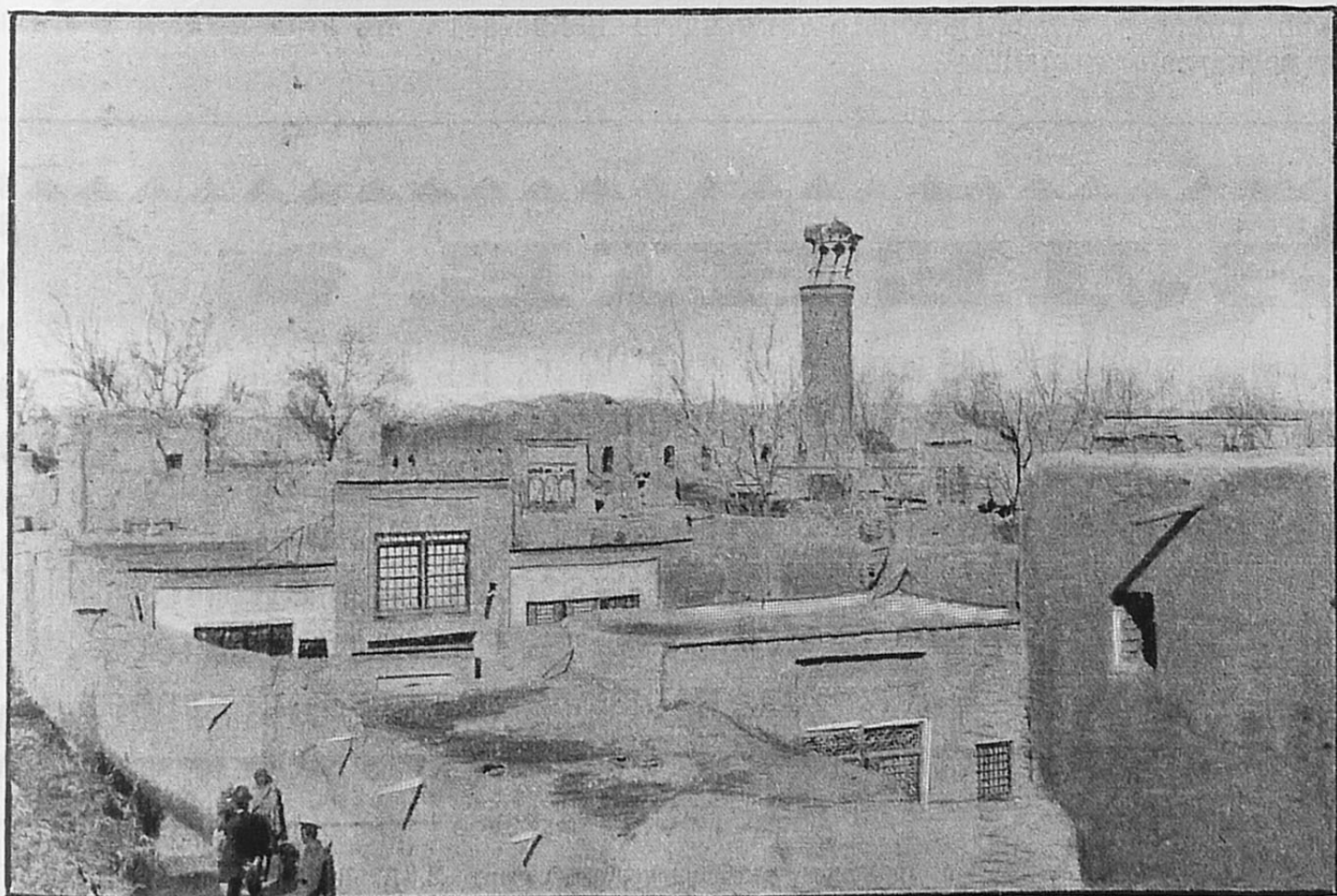
Взводъ учебно-автомобильной роты въ пути по дорогѣ Джульфа—Тавризь.

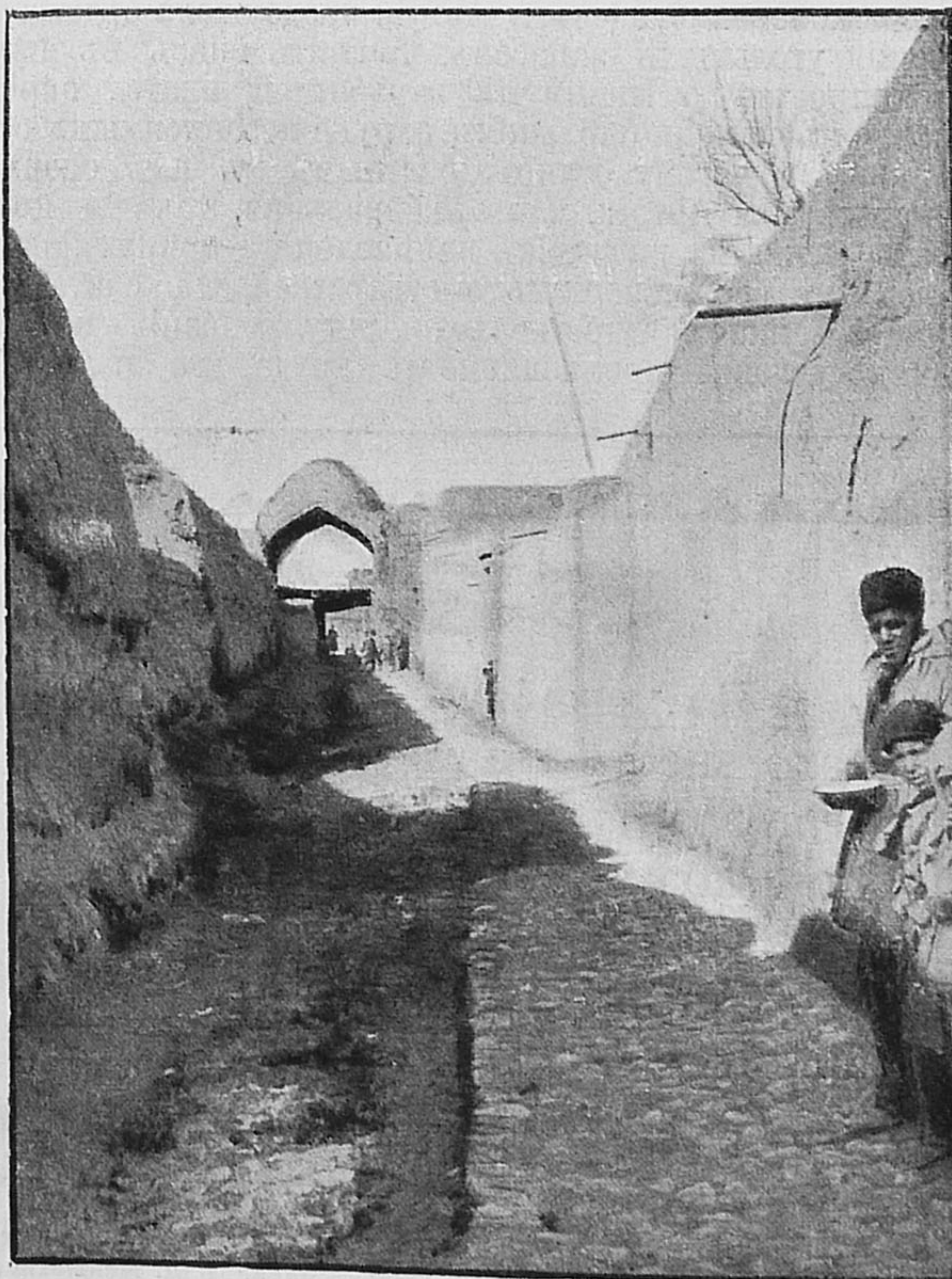
Автомобильный взводъ учебно-автомобильной роты на желѣзнодорожномъ мосту черезъ Араксъ.

Городъ Хой.—Мостъ черезъ крѣпостной ровъ.

Общій видъ города Хоя.

Улица въ городѣ Хоя.

къ нему съ непримиримой враждой и отдають свои симпатіи или мечтательному социализму, или разрушительной анархії и, подчиняясь военной силѣ, всегда какъ бы прячуть бомбу за пазухой. Въ Англии совсѣмъ другая картина. Здѣсь прежде всего поразило полное довѣріе правительства къ бастующимъ миллионнымъ массамъ рабочихъ. Законъ и власть, руководствующаяся закономъ, нисколько не стѣсняють рабочихъ въ мирной работѣ ихъ классовой организации, предоставляютъ имъ полную возможность слиться въ колоссальные союзы и вступать въ борьбу за свои классовые интересы строго дисциплинированными арміями. Угольная забастовка сразу охватила свыше миллиона горнорабочихъ и могла быть поддержана такими же огромными организациями рабочихъ изъ другихъ отраслей промышленности. Англійскій пролетарій, внутренне дисциплинированный въ классовой борьбѣ, при справедливомъ отношеніи къ нему со стороны власти оказался несравненно лучшимъ и болѣе законопослушнымъ гражданиномъ, чѣмъ разрозненные толпы ненавидящихъ всякую власть континентальныхъ рабочихъ, озлобленныхъ, замкнутыхъ въ себѣ, не вѣрующихъ въ справедливость государственнаго строя и подчиняющихся только силѣ штыковъ. Либеральный кабинетъ Асквита безграничнымъ довѣріемъ, высказаннымъ забастовщикамъ, доказалъ, что считаетъ ихъ не рабами, а полноправными гражданами Англии, а англійскіе рабочіе, сумѣвшіе провести грандіознѣйшую изъ забастовокъ безъ малѣйшаго нарушенія уличнаго порядка, тѣмъ доказали, что классовые интересы рабочихъ массъ отнюдь не находятся въ непримиримой враждѣ съ послѣднимъ. Величайшая заслуга главныхъ руководителей нынѣшняго кабинета—Асквита и Ллойд-Джоржа—заключается въ томъ, что они сумѣли отстоять и сдѣлать несомнѣннымъ въ глазахъ своего народа *надклассовый* характеръ государственности. Поскольку французскій, германскій и прочіе народы Европы видятъ въ государствѣ орудіе классоваго господства и прислужника торжествующей буржуазіи, постольку они приходятъ къ отрицанію самой идеи государственности. Слишкомъ откровенная буржуазная политика правителей воспитываетъ рабочія массы въ традиціяхъ анархизма и незримо подготавливаетъ анархическій развалъ государства. Сильно и прочно можетъ быть только то государство, которое находится не въ войнѣ, а въ мирѣ со своимъ народомъ. А для того, чтобы найти примиреніе съ рабочими массами, представители должны построить свою власть не на служеніи эгоистическимъ интересамъ экономически господствующей буржуазіи, а на служеніи высокому принципу народнаго блага и христіанской справедливости. Стоя на этой почвѣ, Асквитъ и Ллойд-Джоржъ могли договариваться съ представителями забастовавшихъ углекоповъ безъ участія пушекъ и штыковъ, потому что именно въ высокому христіанскому разумѣніи священныхъ задачъ государственности они нашли тотъ общій языкъ, который былъ въ одинаковой мѣрѣ понятенъ обѣимъ сторонамъ. Послѣ того, какъ, несмотря на дѣятельное посредничество правительства, рабочіе депутаты все-таки не пришли къ соглашенію съ депутатами копейладѣльцевъ, и Англія продолжала бѣдствовать отъ истощенія угольныхъ запасовъ, Асквитъ внесъ въ парламентъ законопроектъ о минимумѣ заработной платы, опредѣляемой въ каждомъ каменноугольномъ округѣ независимымъ отъ спорящихъ сторонъ и потому безпристрастнымъ въ ихъ спорѣ выборнымъ лицомъ. Вся Англія, какъ либеральная, такъ и консервативная, безъ всякаго различія направленій принципиально высказалась по соображеніямъ государственнаго блага за принципъ общественно-государственнаго регулированія не только внѣшнихъ условій промышленнаго труда, но и самаго вознагра-

жденія за трудъ, которое до сихъ поръ вездѣ въ мірѣ считалось дѣломъ личнаго соглашенія рабочихъ и работодателей. Лидеръ консерваторовъ—Бальфуръ былъ безусловно правъ, когда утверждалъ, что государственная нормировка рабочаго вознагражденія неизбежно распространится на другія области промышленности и сама по себѣ представляетъ огромный шагъ въ направленіи социализаціи всей промышленной жизни Англии, но то обстоятельство, что правительство и парламентъ, смѣло глядя впередъ на невѣдомое будущее открытыми глазами, сдѣлали этотъ рискованный шагъ, доказываетъ, что онъ былъ необходимъ и вполне своевремененъ, что Англія морально и граждански созрѣла для осуществленія величайшихъ социальныхъ реформъ. Быть-можетъ, самое ясное представленіе о степени ея гражданской зрѣлости даетъ рѣчь престарѣлаго депутата-трудовика. Послѣ принятія билля онъ заявилъ, что онъ прежде всего англійскій гражданинъ, а потомъ уже рабочій, и потому считаетъ своимъ долгомъ торжественно преклониться предъ рѣшеніемъ законодательной палаты и призываетъ къ тому же всѣхъ англійскихъ рабочихъ. Поставленный на обсужденіе федераціи тотъ же вопросъ огромнымъ большинствомъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ прекращенія забастовки. Мирное теченіе и благополучная развязка каменноугольной забастовки открываютъ высоко-христіанскую основу англійской гражданственности, составляющую основу колоссальной внутренней силы государства. Характерно, что англійское общество, которое такъ страдало отъ забастовки, не питало никакой ненависти къ забастовщикамъ, напротивъ—энергично помогало изъ благотворительнаго фонда бѣдствующимъ рабочимъ, такъ что количество бѣдныхъ въ дни забастовки стало даже меньше, чѣмъ въ обыкновенное время. Въ этомъ духѣ дѣятельнаго христіанства нельзя не видѣть залогъ здоровья и крѣпости англійскаго государственнаго организма.

Къ рисункамъ.

Глубокой поэзіей проникнута картина „Прошлое“ П. Венига. Старый деревянный храмъ, почти заброшенный, почти неизвѣстный людямъ, стоитъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ дорогъ, и только случайный прохожій приходитъ къ его стѣнамъ и созерцаетъ потемнѣвшія руины, нѣкогда дышавшія жизнью и творческимъ духомъ.

Поэтическое настроеніе чувствуется и въ „Элегии“ М. Малышева, въ этомъ своеобразномъ и красивомъ пейзажѣ съ тихой узенькой рѣчкой и посинѣвшими далями. Кошмарнымъ переживаніемъ вѣетъ отъ „сказки въ краскахъ“ В. Измайловича—„Внѣшность“. Художникъ ведетъ въ ней таинственный разговоръ о воронѣ, о полуночномъ мракѣ, о багровой лунѣ.

Иныя жизнерадостныя краски и переживанія чувствуются въ озаренной солнцемъ Малороссіи В. Васильева. Такого же свѣта и блеска полна изящная женская головка К. Маковского. Задумчивостью и тихимъ размышленіемъ полна молоденькая боярышня, сидящая у косяцата оконца на картинѣ В. Боброва. Такая же глубокая задумчивость свѣтитъ и изъ прекрасныхъ глазъ „Беатриче“.

Весельемъ и жизнерадостностью обвѣяны молоденькія барышни, скользящія на конькахъ по аренѣ моднаго „Скэтингъ-роллера“. О чемъ ведутъ онѣ свой веселый разговоръ? О балахъ, о гвардейцахъ, о послѣдней пьесѣ во французскомъ театрѣ?

Но совсѣмъ другія мечты и думы наполняютъ дѣтскую головку молодой няни (М. Игнатъевъ), погруженной въ трудную работу ухаживанья за ребенкомъ. О чемъ думается этой нянѣ? О солнцѣ ли лѣта, о лѣсномъ ли привольѣ, или, быть-можетъ, просто о кускѣ хлѣба, котораго такъ часто нехватаетъ въ этой избѣ и у этихъ дѣтей?

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніи остановки въ высылкѣ журнала съ 1 мая—**съ 18-го номера.** При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 к.** почтов. марками и печатный адресъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Голуби. Семена Юшкевича. (Продолженіе).—Русскіе трапперы въ Манчжуріи. Очеркъ Н. А. Байкова. (Продолженіе).—Сынъ Неба. Разсказъ Д. Медынскаго.—Способность рыбъ измѣнять свою окраску.—Новые опыты электро-культуры.—Г. И. Успенскій.—Русскіе военные автомобили въ Персіи.—Англійскій законъ о минимальной рабочей платѣ (Политическое обозрѣніе).—Къ рисункамъ.—Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ: Прошлое.—XX выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ (11 рисунковъ).—„Нянька“.—Способность рыбъ измѣнять свою окраску (10 рисунковъ).—Новые опыты электро-культуры (3 рисунка).—Г. И. Успенскій.—Русскіе военные автомобили въ Персіи (5 рисунковъ).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 5.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ,

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.